

Священник Сергей Сидоров

ЗАПИСКИ

Оглавление

Предисловие	2
Встречи с замечательными иерархами и подвижниками русской церкви	2
КИЕВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО	2
Протоиерей Александр Глаголев.....	3
Отец Константин, настоятель Введенской обители	8
Отец Михаил Едлинский.....	11
Архимандрит Николай (Дробязгин).....	13
Бабушка Александра Пантелеймоновна	18
МОСКОВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.....	22
Отец Алексей Мечёв.....	22
Епископ Николай	23
Владыка Феодор.....	25
ПАТРИАРХ ТИХОН	28
Похороны Патриарха	33
ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ.....	35
Схиеромонах Дионисий	36
Старец Досифей	36
Старец отец Алексей	37
ОТЕЦ ПАВЕЛ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	41
СХИМОНАХИНЯ ОЛИМПИАДА	43
ОПТИНА ПУСТЫНЬ	44
Юродивый Гаврюша.....	44
Отец Нектарй.....	49
Архимандрит Феодосий	51
Архимандрит Агапит	53
***	54

Предисловие

Служение отца моего священника Сергия Сидорова совпало с самым тяжелым временем для нашей Церкви: это были двадцатые и тридцатые годы... Преследования безбожной власти, которым подверглось духовенство, пришлось вынести и ему: четырежды его арестовывали, был он в сибирских лагерях на тяжелых работах, и наконец в 1937 году его приговорили к расстрелу.

Когда писал отец Сергей свои записки? в основном в одинокие длинные вечера 1933-1936 годов, когда он после вечерней службы приходил в свой угол, где жил оторванный от семьи. Такой угол он снимал в Дмитриевской слободе города Муром, такой же была и сторожка около храма в селе Климове. Небольшой деревянный стол, керосиновая лампа или свеча... На некоторых листках рукописи видны пятна воска. Писал он только по памяти, в рукописях почти нет ссылок на источники.

Почти все рукописи написаны на листках ученических тетрадей. Листки истрепались, концы их оборваны. Писал отец Сергей большей частью карандашом, чернильным или простым. Отдельные слова почти стерлись, что в соединении с неразборчивым мелким почерком делало весьма трудным переписывание его рукописей. К тому же многих листов недостает, отдельные записки не закончены, нумерация страниц неполная. В процессе редактирования мной была выполнена самая минимальная правка для логического соединения отдельных отрывков рукописи; к сожалению, не везде удалось расшифровать имена, приведенные в записках лишь в инициалах.

Записки представляют большой интерес. Отец Сергей знал лично, любил и почитал многих выдающихся представителей духовенства, и они платили ему искренней привязью.

Отец Сергей писал начисто, лишь изредка переделывая слова и фразы, потому есть в его записках некоторые повторения и небрежность стиля. В целом же записки написаны вдохновенно, выразительно и имеют несомненные литературные достоинства.

*Дочь протоиерея Сергия
Вера Сергеевна Бобринская*

ВСТРЕЧИ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ИЕРАРХАМИ И ПОДВИЖНИКАМИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

КИЕВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Мне предстоит чрезвычайно трудная задача писать о своих встречах с ныне здравствующими замечательными церковными людьми. Писать об отошедших гораздо легче. Вместе с прерванной нитью жизни обрываются и ежедневные людские отношения, прекращается поток непрерывных событий бытия, где выявляют себя так или иначе люди. Остается только лик человека с его вечными чертами в ореоле загробной славы. Не то с живыми. Как бы четко ни представляли мы образов, почитаемых нами, мы не можем отделаться от мысли, что увидим их лик совершенно неожиданным и иным, чем он для нас является сейчас, и эта неполнота восприятия человека заставляет особенно осторожно относиться к описанию его лика. Но чувствую свою обязанность перед близкими мне по духу людьми, особенно перед своими детьми, поведать им ту радость, которую в жизни много раз даровал мне Бог, - радость общения с праведниками.

День был знойный. Я в качестве сотрудника специальной секции религиозных культов отдела Полиру¹ при Киевском губсобесе скитался по жарким улицам и площадям Подола и проверял список церквей, доставленный в канцелярию Полиру консисторией.

Приглушенно слышался гул петлюровских орудий; близкое будущее охватывало душу радостной тревогой, рисовало безграничную волю и возвращение прежней жизни.

На службе занятий не было. Были только беседы, напоминающие столичные салоны. Изыщные кавалеры и дамы, скинув маски постных соработников, наслаждались остроумием фраз и старались забыть ужасы окружающей их жизни. Едва ли не я один продолжал выполнять задания начальства, описывая и беря на учет церковное имущество и слоняясь с утра до вечера по душному летнему Киеву.

Протоиерей Александр Глаголев

Когда я вошел в храм Доброго Николая и своды храма овевали меня прохладой, я почувствовал себя ожившим и, не проверяя описи, сел в углу ступени свечного ящика. Издали слышались частые разрывы снарядов. Близко от дверей церковных слепец пел старинную думу² про Лазаря и грешного богача, городской шум лениво разливался в потоках солнечных лучей.

Послышались торопкие шаги. В храм вошел небольшого роста священник с длинными прядями волос, слегка согбенный. Его лицо озарял особый свет. Он как бы ушел в радость молитвы и мира. Я не разглядел сразу черт его лица, но эта радость тихого мира сразу привлекла меня к нему. Священник подходил к ликам святых и просил у них молитвы. Он, кланяясь ликам, как бы брал у них благословение. Я никогда и ни у кого не видел такого яркого восприятия иного мира, как у него. Мне ясно стало, что в храме все живо, и образа глянули на меня живыми глазами. Я подошел под благословение к священнику. Он назвал себя. Это был отец Александр Глаголев.

С этого дня я особенно полюбил его и стал его почитателем. Внешнего ничего не было примечательного у отца Александра. Черты лица его приятны, но неправильны, рост невелик. Он, иногда, кажется, слишком быстро читает молитвы. Но ни один из священников не совершает так литургию, как он. Я много видел богослужений. Я имел счастье присутствовать за богослужением великих старцев. Я видел замечательных епископов, как, например, архиепископа Анастасия³, совершающих литургию. Но никто из них не служил с такой яркой верой в Господа, с такой радостью видеть Его, как отец Александр Глаголев. Я, помню, был поражен, когда молился в первый раз у Николая Доброго в алтаре. Отец Александр почти всю литургию поминал усопших и живых среди ектеньи. Он взывал к Богу о несчастных и счастливых, о праведных и грешных. Мне казалось, что я присутствую не в храме, где прекрасно поют, где замечательные иконы и знаменитая древняя ризница, а на дороге галилейской, где идет Господь, у ног Которого отец Александр полагает свои моления о мире. Внешне у отца Александра заметна небрежность: сбоку надета митра, правильный, но несколько крикливый голос, закрытые глаза и постоянные поясные поклоны. Но что до внешности, когда забываешь о храме и видишь Бога, когда не воспоминательно, а земно, действительно переживается Божественная литургия?!

Я не сразу стал его духовным сыном. Было горе, был голод. Я получил известие о смерти отца и всех друзей в Москве и на фронтах; было не только больно, но было мертво на душе. Я пришел к отцу Александру на исповедь, и он воскресил мою душу. Его исповедь молчаливая. Он говорил мало, но говорил о любви к Богу и ко Христу.

¹ Отдел Полиру - Отдел по ликвидации религиозной утвари.

² Точнее, духовный стих (особый жанр фольклора).

³ Анастасий (Добрадин, 1828-1913), архиепископ Воронежский и Задонский, известный духовный писатель и проповедник

— Если Христос жив, в Нем все живы, Его увидим — всех увидим, — сказал мне отец Александр.

— А как увидеть? — спросил я.

— В любви увидим, — ответил он. — Будете любить людей — увидите Христа, поймете, что все живы. — Он благословил меня с такой любовью, что я и увидел вечность и познал единую радость на земле — радость встречи с любовью.

Первый раз в моей семье был отец Александр накануне моего посвящения в диаконы. Я тогда зашел к нему и попросил его молить и он предложил мне зайти к нам. Помню вечер, падающие листья кленов, шум больших улиц и блеск последних лучей солнечных в изгибе Днепра. Отец Александр едва успевал отвечать на приветы. Его знает и любит Киев. Он говорил мне о своей тревоге перед священством, о том, что эта тревога у него растет, так как он чем дольше служит, тем больше сознает свое недостойство и ужас литургии. «А все-таки вы узнаете, что самое великое счастье — это совершать литургию», - закончил он. Придя к нам, он успокоил маму⁴, также очень взволнованную предстоящим моим посвящением, и прочел перед ликом Царицы Небесной Ее акафист и многие молитвы. Было темно в комнате, перед иконой вспыхивала лампада, в окна сильнее врывается ночь и часы гула, суеты, а отец Александр все молился, и эта молитва давала мне силу на тот трудный, а иногда и смертный путь к Богу, который я избрал тогда, — путь священника. Многое прошло с тех пор тяжелыми бороздами по моей душе, много горя и тревог я испытал, но никогда во время самых страшных часов, переживаемых мною, я не жалел, что принял сан священника. А когда не сомнения, а думы об этом шаге моей жизни встают в душе моей, встает и лик отца Александра, темная комната и слова акафиста Богоматери.

Как-то отец Александр взял меня с собой на кладбище академическое. Были первые числа октября, стояла золотая осень. Листопад только что стал покрывать крутые окраины высокого кладбища Щековицы. Отец Александр был особенно радостно настроен. Он говорил мне о брате, о почивших друзьях, он спешил, точно на свидание, к ним. И правда, едва он стал поспешно надевать епитрахиль и петь «Со духи праведных скончавшихся», я ясно понял, что он видит их и слышит усопших. Каждый знакомой могиле кланялся отец Александр, каждую крестил и у каждой прислушивался, молясь несколько минут молча, а потом, отходя, говорил мне несколько слов об усопшем. Возвращались мы поздно. Зажглись яркие октябрьские звезды. С высоты подъема кладбищенского был виден город, сияющий суетными огнями, нес Днепр воды в туманные дали, и чудилось мне: чужие нам, рядом возле узкой тропинки идут усопшие тени, но не страшно мне было, а радостно, точно я заглянул в тихую вечность...

Праздновался тридцатилетний юбилей ученой деятельности отца Александра. Храм Доброго Николы был переполнен депутациями и молящимися. Литургию служило пятьдесят священников, возглавлял протоиерей Корольков, старейший профессор Киевской духовной академии (ректор архиепископ Василий⁵ был в ссылке). Серебряной линией вытянулось духовенство во время молебна, более ста иереев — почитателей и друзей отца Александра молились с ним. Были все находящиеся в Киеве епископы, пел прекрасный хор. Католические патеры в лиловых сутанах, протестантские пасторы, муллы, раввины, профессора и нищие, юноши и торговки подольские, студенты и крестьяне пригородных сел — все собрались в этот день выразить юбиляру любовь и уважение. Депутации говорили ему о его научных заслугах, указывали на стойкость его убеждений, но главное — преклонялись перед его безграничной любовью к людям. Вспоминали в эти часы в Никольском храме темные ужасы еврейских погромов, когда отец Александр один с крестом остановил разъяренную

⁴ Так в записках отец Сергей называет В. И. Ладыгину

⁵ Архиепископ Василий (Богдашевский, 1861-1933), в то время епископ, был ректором Киевской Духовной академии с 1914 года

толпу и спас тысячу евреев, открывали его помощь беднякам, его хождение по грязным закоулкам Подола и его пламенную защиту всех обездоленных, всех грешных и отверженных перед миром и Богом. Я недоумевал, как ответит отец Александр на все эти приветы и похвалы, зная его подлинное смирение. Мне было страшно и больно за него. Он отвечал каждой депутации отдельно и, когда закончилось чествование, сказал слово, в котором указал на великую милость Божию, которая только одна ради Христа дает великую радость — радость единения людей во имя любви.

Еще сердечней, еще глубже было чествование отца Александра у него на дому. Собралось все служащее у него духовенство и еще часть депутатов. Там были и самые близкие друзья его, и там еще ярче, еще удивительнее встал духовный лик отца Александра. Особенно поразил меня один случай из его жизни, который сообщил профессор Мищенко. Он рассказал о том, как отец Александр спас девушку, решившую покончить с собой. Спас он ее исключительно вниманием и лаской. Эта девушка пережила большое горе. Она лишилась своих близких, трагически погибших, ее бросил жених. Она заболела душевной болезнью, и вот отец Александр, ежедневно ее навещая, давал ей каждый раз какие-нибудь советы и никогда не говорил с ней об ужасе ее состояния. И так это делал он до тех пор, пока она не исповедалась у него и не стала после первого своего причастия совершенно здоровой.

В приветственных речах отцу Александру и чествовании знаменитого человека ощущалось еще, что любовь победила обычные людские отношения. Если бы чествование было не такого человека, как отец Александр, то слова о его деятельной любви могли бы показаться нецеломудренными, особенно в его присутствии. Но всякий, кто был на чествовании отца Александра, знал опытно, что никакие слова о любви его не могут сравниться с самой его любовью, и поэтому то, что при других обстоятельствах звучало бы фальшиво и ненужно, в день праздника отца Александра казалось слишком малым, слишком ничтожным в сравнении с его духовным светом. Я возвращался домой вечером. У Андреевской горы стояла толпа евреев и громко о чем-то кричала. Когда я проходил мимо них, старый еврей-лавочник крикнул мне:

— Поздравляю вас, батюшка, с праздником!

— С каким? — откликнулся я.

— Сегодня отца Александра Глаголева чествовали.

— А вы разве тоже его чествуете? — спросил я.

— Он мне три месяца для больных детей молоко покупал, когда я был в беде, а свои не помогли.

Он мне помогал, как же мне его не чествовать? — откликнулся старик.

Со мной шел муфтий, ученый, изяшный старик, Лолиа Сафтиев. Обращаясь ко мне, сказал:

— Вот видите, правы мудрецы всего мира. Любовь деятельная больше всего побеждает души людей. Вы знаете, была у нас страшная болезнь, гнойный сап, заразительная. Привез ее к нам в 1907 году какой-то татарин из Одессы. Мы, мусульмане, от него отшатнулись, и лежал он в отдельном бараке больничном, а вот отец Александр посещал его, давал ему пищу и даже укреплял его до самой смерти словом. Вот перед своей кончиной и написал этот татарин, что Христос из всех пророков самый добрый, потому что у него такой слуга, как отец Александр. Вот что делает проповедь делами любви.

Сияли яркие звезды, зеленоватым сводом опустилось небо. В садах дружно кричали кузнечики. Громко и отрывисто звонили трамваи и шумел вечерней толпой Киев.

Основная черта подвига отца Александра — это смирение. Он, знаменитый ученый, лучший в мире знаток еврейского языка, автор классического труда об ангелах⁶ (единственного на Руси),

⁶ Имеется в виду магистерская диссертация отца Александра Глаголева «Ветхозаветное библейское учение об ангелах»

совершенно не придает значения своим работам. На первом плане в его творениях стоит предмет им изучаемый, перед которым он благоговееет. В его произведениях нет абсолютно ничего субъективного, ничего такого, что могло бы исказить объективную истину, изучаемую им. Его лекции поразительно скудны рассуждениями, он только как бы комплектует, он только показывает предмет, вводит в него слушателей. Я слышал цикл его лекций по книгам Ветхого Завета. Особенно помню серый слякотный день поздней осени, гулкую залу епархиальной библиотеки, сырую, промокшую... Слушателей, скудную лампу со светло-желтым мигающим светом и перед собой у стола отца Александра, читающего длинные листы своих лекций. Он читал об Иове, и сразу после того, как он стал вводить нас в быт Иова, когда он, вдохновляясь и цитируя наизусть вечное творение, стал показывать нам его вечную красоту и горькую правду, как бы исчезли дни наши. Мы перенеслись в Иудею, мы узнали древние звуки давно замолкнувших слов и поняли те мысли и чувства, которые были у гениального творца лучшей трагедии мира. А когда отец Александр, закрыв глаза, стал нам читать книгу Иова по-древнеиудейски, мы почувствовали восторг, равный любованию древними изваяниями Эллады. До сих пор я храню живую память о лекциях отца Александра, но должен сказать, что, узнав Ветхий Завет благодаря им, я совершенно не могу отличить мысли отца Александра от тех ветхозаветных истин, которые он нам преподавал.

Смирение отца Александра проявлялось ярко и в его домашнем быту. Бог дал ему великое счастье создать у себя подлинную домашнюю церковь. Его супруга и сыновья столь же преданы Церкви Христовой, как и он, и, бывая в семье у отца Александра, чувствуешь веяние любви, спянной единой вечной Истиной - верой православной. Дома отец Александр был чрезвычайно внимателен ко всем его посещавшим. Он одинаково приветит и епископа и священника, и нищего и ученого. У него всякий найдет радость тихого мира. Я, помню, застал у него какого-то полусумасшедшего священника, который невероятно терзал отца Александра повторением бесконечных жалоб на епископов, его отлучающих. Отец Александр выслушивал эти жалобы и пытался успокоить его рассказами о посторонних предметах, отвлекающих внимание безумца от его навязчивой идеи. Когда сумасшедший священник ушел, я выразил свое изумление отцу Александру — тому умению, с которым он вел с ним беседу. «Я никогда не думаю, что сказать людям больным. Сам Господь мне всегда дает мысли и слова для беседы с ними. Только бы о себе не думать в такие часы и познавать свое ничтожество перед страданиями душевными людей. Тогда и помогаешь им», — отвечал мне отец Александр.

Поразительный такт в обращении с людьми создал громадную популярность отцу Александру. После рождения моего сына он зашел к нам поздравить жену мою. У нас было много знакомых в этот вечер, собрались люди совершенно различных положений и взглядов. Отец Александр с такой приветливостью и лаской обошелся со всеми, что пленил всех своим обращением. Весело беседуя о самых незначительных предметах, рассказывая всевозможные случаи из жизни раннего детства своих детей, он сумел каждому сказать хорошее, доброе слово. Когда ушел он, В. А. П. назвал его самым обаятельным знаменитым человеком, которого он знал, а знал В. А. великое множество замечательных людей.

Отец Александр считается либеральным священником. Киевляне помнят его выступление по делу Бейлиса⁷, где он как эксперт указывал на неосновательность обвинения евреев в употреблении детской крови. Он был избран первым ректором Киевской духовной академии после реформы ее в 1905 году и был смещен ревизией архиепископа Антония (Храповицкого). В бытность духовным

⁷ См. об этом предмете доклад профессора протоиерея Т. И. Буткевича «О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и так называемых „ритуальных убийствах"» (Вера и разум. 1913, 21-24). Позиция либеральной интеллигенции ярко выражена В. Г. Короленко в статье «К вопросу о ритуальных убийствах» (Собрание сочинений. Кн. 24. М.—Л., 1930) и ряде публицистических очерков «Дело Бейлиса» (Собрание сочинений. Т. 9. М., 1955).

цензором пропустил к печати плясовские⁸ книги и за то претерпел ряд неприятностей. Все это делало его весьма популярным в свободомыслящих кругах Киева. Но главной чертой церковно-общественной деятельности отца Александра была беззаветная преданность уставам Святой Церкви. С 1919 года в Киевской церкви стали появляться смутные струи ересей. Украинское течение среди некоторых групп верующих превратилось в самосвятскую ересь, ничего общего не имеющую с Православием, в странную секту, которая признавала законным посвящение в епископы, совершенное пресвитером.

Самый своеобразный акт посвящения в епископы пресвитером и мирянами совершился 1 октября 1921 года в Большом Софийском соборе. Вечером в этот день было собрание киевского духовенства во главе с митрополитом Михаилом⁹ в зале епархиальной библиотеки, куда были позваны украинцы для беседы. Эти собрания с украинцами, на которых я весьма часто присутствовал, производили на меня всегда тягостное впечатление. На этих собраниях было много слов и чувствовалось полное непонимание собравшимися друг друга. Украинцы, которых ради любви к церковному расколу поддерживали власти, вели себя всегда нагло вызывающе. У православных не было достаточно духовного мужества резко порвать с ними. Им говорились давно известные слова о догматах, о подчинении духовным властям, даже о смирении, и в ответ на эти слова слышались реплики с галицийским акцентом о ненависти украинцев к русским, о том, что когда-то полиция теснила Шевченко и что в этом почему-то виновато православное духовенство. Первого октября после окончательного отрыва украинцев от Церкви заседание в епархиальной библиотеке носило особенно торжественный характер. На него собрались почти все священники Киева, все епископы и митрополит Михаил. От Украинского собора, который тогда заседал, были представители самых умеренных групп - полтавской и каменец-подольской. Говорилось много трогательного, но едва касалось основного и главного - единения, от украинцев слышались слова ненависти и презрения, и единение разрушалось. Помню прекрасную речь профессора П. Я. Светлова, в которой он призывал украинцев думать по-христиански и указывал на вред узконационалистических религиозных течений. Хорошо говорил украинец - представитель полтавской группы. Он указывал на трагедию народа, не понимающего, где в церквях правда, и отходящего от Церкви в ереси и расколы. Почти в конце заседания говорил отец Александр. Он пояснил сущность догматов церковных, указав на них, как на выявление любви Церкви. «Всякий церковный закон есть закон любви. Церковь - царство Божие. Догматы - слова, нами слышанные от Бога, поэтому мы не должны сомневаться в их святости. Бог есть любовь. Его слова могут быть только словами любви. Когда мы отрываемся от догматов, то попадаем под противоположные Божеским демонские законы. Мне кажется, — закончил свою речь отец Александр, — мы не можем быть в единении с украинцами до тех пор, пока они не осознают, что нарушили заповедь Бога и впали в демонскую прелесть». До него никто столь резко не говорил с украинцами. Многие осудили за эти слова отца Александра, но все присутствующие на этом собрании украинцы, соединясь с Православной Церковью, потом говорили мне, что к этому соединению их главным образом побудили слова отца Александра.

1922 год, принесший много скорби Церкви Русской, принес и Киеву ересь живоцерковную¹⁰. Киевское духовенство, за весьма малым исключением, несмотря на чрезвычайные репрессии властей, осталось верным Православию. И в этой твердости его немалую роль сыграл отец Александр. Особенно дружно и доблестно стояло в смутные годы раскола и ересей Подольское благочиние, имеющее чрезвычайное влияние на церковные дела Киева. Во главе благочиния был преданный друг отца Александра протоиерей Портнов, а сам отец Александр и профессор В. И. Экземплярский были духовными руководителями подольского духовенства. Но выявив свою твердость в отношении к «Живой церкви», большинство киевского духовенства пыталось найти какой-либо компромисс и

⁸ То есть книги, содержащие лжеучение «имябожников».

⁹ Михаил (Ермаков, 1862-1929), митрополит Киевский и экзарх Украины с 1921 года.

¹⁰ «Живая церковь» - первая и наиболее влиятельная из обновленческих группировок, образованная в мае 1922 г.

подписало воззвание, в котором они отделяли себя от управления Московской церкви (не нарушая общения с нею). При составлении этого возвания была образована Прогрессивная группа духовенства. Когда мне предложили вступить в эту группу, я отправился к отцу Александру за благословением, за советом. Я застал его копающим грядки. Теплый весенний дождь промочил его рясу, и он, весело улыбаясь, сказал, указывая мне на свою работу. «Отдыхаю с землею. Хотя мало понимаю в хозяйстве, а готов копаться с утра до вечера в саду». Я передал ему свою заботу. Отец Александр весело перекрестился и сказал: «Не думаю, чтобы Прогрессивная группа способствовала спасению души. А знаете, для священника главное должно быть спасение своей души и душ своих пасомых. Поэтому и вам не советую входить в нее и сам туда не войду». Прогрессивная группа Киевского духовенства просуществовала недолго. Власти стали требовать от этой группы духовного отрыва от Патриарха, на что члены ее не согласились, и группа прекратила свое существование.

Золотом осени горели вечерние зори, длинным призывным кликом звенели журавлиные стаи. Днепр нес черно-синие волны к берегам, озаренным пурпурным блеском дерев. Гасли звуки грустных напевов, шуршали всплески светлого ветра, таяли колокольные звоны в чистоте загоравшихся звезд. Я прощался с Киевом, и мне было больно отрывать свою душу от призраков древней Руси, которые я разглядел в его храмах, от юных порывистых дней моей в нем жизни, от людей мной любимых. Я шел по Зверинецкому пустырю, кое-где еще торчали обгорелые трубы, лежали свернутые листы железа — памятка взрыва 1918 года. Навстречу вечернему небу шумели трамваи и бросали огни тысячи домов, зажигая тусклые зарева на горизонте. У спуска на одной из дорог я увидел отца Александра. Я уже простился с ним, и мне радостно было еще раз взглянуть на него и попросить его молитв. Он был обрадован также. При прощании отец Александр благословил меня и сказал: «Что бы с вами ни было в жизни, помните: если желаете быть с Христом, любите всех и прощайте все». Это были последние слова его, слышанные мною.

Увижу ли я еще в этой жизни отца Александра или, быть может, не смогу больше в этом бытии слышать его заветы, все равно. Я встретил в нем не только духовника и иерея, я встретил в нем пророка. Я видел его ясную душу, я на себе испытал чудо возрождения раненой души, и его лик светит мне тихой зарею, как светят ясные осенние звезды в предзакатный час среди глубин бескрайнего неба¹¹.

Отец Константин, настоятель Введенской обители

Был июль 1919 года. Стояла жара, разжиживая асфальт тротуаров, деревья Киева были окутаны белой пылью. Издали доносились шумы войны, почти непрерывно гудели орудия, а вечером краснели зарева пожаров. Я работал в Лавре. Моя работа заключалась в охране от набегов солдат Лаврской ризницы, и я целые часы проводил в чтении святых отцов под сводами Великой церкви, в дремоте на балконе лаврской гостиницы и в любопытнейших беседах с А. А. Гамалеей, моим другом. Вечерело. Доносился стрекот цикад. Тихо на дворе. Воздух точно струя столетнего вина выплескивается в растворенное окно ризницы, растекаясь на серебряных тканях одежды, на пурпуре занавесей, на золоте и хрустале сосудов. Запела чугунная дверь, по ковру чуть слышные шаги прошелестели.

Передо мной стоял высокий монах с очень длинной каштановой бородой. Его полуоткрытые глаза были строги и холодны. Он был одет в полное иноческое облачение с камилавкой, в руках у него были четки. Я его видел впервые и спросил его имя, он назвал себя: иеромонах Константин, строитель Введенской пустыни, и просил моего содействия в деле снабжения обители различными священными предметами, необходимыми для богослужения. Я с радостью обещал ему выдать из Полиру ризы и

¹¹ Отец Александр был арестован в октябре 1937 года в Киеве и после года заключения скончался в тюремной больнице.

сосуды в ближайшее время, а так как я ел что-то из свежих овощей, то просил его разделить со мной трапезу. Иеромонах поспешно отказался от трапезы, но в свою очередь спросил меня, верующий ли я человек. Тогда, услышав от меня, что я православный, сказал:

— Вот православные верующие, а не спасаются, не понимают, что цель жизни — достигнуть Храма, воздвигнутого Им. Ведь Он уходит от нас, скрывается в тиши храмов, в тайнах лесов. Вы не видите Его, а Его должны видеть, вы не слышите Его, а Его должны слышать. Вы считаете, что Он удалился в радость неба. Ему дела нет до криков земных. Нет, Он сейчас с нами на улицах, в тиши этой светелки и в красоте звуков летней ночи. И Он повествует нам свои законы, новые. Он благостно кажет нам путь в вечность его света, а мы не слышим, не разумеем.

— Что же надобно делать, чтобы слышать глас Божий? — спросил я..?

— Что делать?.. Любить. Любовью только можно познать Бога. — ответил отец Константин.

— Хорошо. — перебил я. — об этом я слышал. Да любовь любви рознь. Я не понимаю, как достигнуть подлинной любви, любви к Богу, к людям, к твари. Ведь о такой любви говорите вы, о такой любви говорят все святые отцы, о такой любви написаны тысячи томов и миллионы слов, и такая любовь - удел святых, и то не во всю их жизнь, а только мгновением, только едиными вздохами. А мы, грешные, вы правы, мы отдаляем от себя Христа.

— Нет, — сказал отец Константин, — вы не правы. Мы не любим оттого, что мы бесконечно лживы, бесконечно мелочны и пошлы. Любовь можно приобрести, если взять на себя хотя бы ничтожный труд, труд каждый день во имя Христа единого сделать кому-либо, хотя бы своим близким, что-нибудь хорошее, светлое, мирное, а этого мы не делаем. Мы слышим в нашей жизни только наши тревоги и ненависть...

— Вы что читаете? — прервал он нить своих мыслей. Я показал ему книгу Петра Афонского, подвижника XIX века. Отец Константин одушевился и стал цитировать мне замечательные страницы преподобного о последнем времени, об Антихристе. Я вспомнил «Три разговора» Соловьева¹² и указал на сходные места у преподобного Петра. Беседа становилась длинной и интересной. Отец Константин рассказывал мне об источниках, которыми пользовался для своих апокалиптических теорий преподобный Петр, и поражал меня своей эрудицией.

— Простите, — спросил я его, — вы каким образом так много знаете о преподобном Петре? Вы были на Афоне?

— Я жил там. — сказал отец Константин.

— А что, хорошо там, верно? — любопытствовал я.

Отец Константин заговорил об Афоне, и странно — он не рассказывал мне об уставе службы, о быте иноков, об уставе Афона. Он говорил о море, о солнце, о зарослях роз, жасмина и левкоев на уступах пропастей, о криках чаек в тишине утра, о стоне альбатроса в сырые бурные ночи. И эти звуки Святой горы влекли душу могучей силой, и, казалось, среди них вырастали другие созвучия, и слышалось пение в храмах, и виделись кресты киновий среди цветущих азалий, а темные кельи в глухих расселинах скал призывали душу для полночных молений. Давно сияли лучи, давно я зван был к ужину, а все длилась речь отца Константина. Когда я с ним расставался, я обещал достать ему ордер на ряд ему нужных священных предметов и спросил его адрес. Отец Константин жил в лесу за

¹² «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе». Это сочинение впервые было опубликовано в 1899—1900 годах. В последнее время неоднократно переиздавалось в составе различных сборников трудов В. С. Соловьева. См., например: В. Соловьев. Смысл любви. М., 1991.

Голосеевской пустынью, на пятой версте; он посоветовал взять с собой в качестве провожатого кого-нибудь из братии Лавры.

Меня полонила дрема лесная, точно зеленый душистый покров охватил меня: высокие ели, заросли лип и орехов, ползучий хмель и липкие мхи. Сверху в глуби неба златилось солнце, внизу зелень листов и чудные, крупные желтые дикие пионы. Хатка маленькая стояла среди долины, вся окруженная зеркалом изгибистых вод быстрой реки. Они только нарушали покой леса вечною песнью прибоя. Отец Константин был дома. Он ввел нас в теплую комнату с большим белым столом и темным ликом Царицы Небесной. Я и мой спутник, иеромонах Евфимий, пробыли у отца Константина недолго. Он куда-то спешил и, обняв меня за исполненное поручение, стал подавать вкусную печеную рыбу и потчевать нас ею. После трапезы я заговорил с отцом Константином о политическом моменте и о тревоге за Киев, за его разгром. Отец Константин успокаивал меня, говоря, что большевики не успеют уничтожить многого, и повел показывать свое помещение. В комнате, где спал на голых досках отец Константин, все было завалено церковной утварью, образами, ризами...

— У вас тут целая ризница, — улыбнулся я.

— Да, — ответил отец Константин, — все собрано по старым закрытым церквам. Вот теперь получил от вас главные сосуды.

Последний раз я видел отца Константина осенью 1919 года. Недалеко от его кельи было глубокое темное озеро. Листья золотые, красные и лиловые падали на него и покрывали свинцовую поверхность воды яркими бликами. Шумел лес, острые порывы свежего ветра жгли лицо. Я бродил, вдыхая свежесть осеннюю, собирая грибы и следя, как рассыпаются белые облака в ярко-синей лазури. У озера мне попались опята, и я задержался. На другом берегу на высокой кочке стоял отец Константин; он, видимо, молился. Короб грибной стоял у его ног; он был в теплом ватном подряснике с палкой в руке. Лицо его было строго, глаза закрыты. Он стоял неподвижно и не замечал угасающего света осени, не слышал привета прощального птиц, летевших над ним. Я его не окликнул и рад, что это свидание наше было молчаливым. Я унес в памяти его образ в тревожном молчании осени, и таким мне хотелось бы запечатлеть его до конца моей жизни.

Обстоятельства детства и юности отца Константина мне неизвестны. Я знаю только, что он был сыном помещика Екатеринославской губернии Ивана Петровича Пальцына, окончил очень хорошо Лицей московский и двадцати четырех лет ушел на Афон. О его подвигах афонских, о его ночных стояниях и постоянной молитве мне рассказывал его ученик Стефан, крестьянин Киевской губернии, один из основателей Введенского монастыря. Рассказывал мне отец Стефан в ясный осенний день, когда я с ним шел собирать на новый монастырь: был отец Константин на Афоне послушником старца Георгия Ходжи, и велел ему старец бросать каждый день в море три тысячи камней и сказал, что если исполнит он это приказание, то получит вечное утешение. Отец Константин приказание исполнил и в ту же ночь увидел Владычицу Царицу Небесную, которая велела ему идти на Русь и собрать около себя послушников, таких, как он. Об этом видении отец Стефан слышал не от отца Константина, а от архимандрита Мельхиседека, друга его и сотаинника, настоятеля Пантелеймонова афонского монастыря. «Вот и собрал нас отец Константин, Бог привел и создать ему пустынь. Благодати его нет предела, виновных прощает он всегда с любовью и забывает об их винах. Вчера во время трапезы согрубил ему отец Феодор, из простых монахов. Что же: при всей братии отец Константин ему в ноги поклонился, а Феодор как увидел смирение отца Константина, завизжал как кошка и забился в корчах — в нем бес сидел и не стерпел смирения строителя. После отец Константин, как пришел в себя отец Феодор, очень утешал его, как за родным братом за ним ухаживал».

Я много тогда услышал о быте нового монастыря от отца Стефана. Он передал мне правило начал, которое заимствовано из афонского Пантелеймонова монастыря, поведал о трудах их при постройке храма и келий, об их длинных молитвах и радостной братской жизни. Отец Стефан был

очень радостен: он вез с собой благословение епископа Назария¹³, управляющего Киевской епархией, на открытие обители. Его радость передалась мне, да и трудно было быть грустным, когда сияло свежее осеннее солнце, когда золотые нити паутин носились в лазури неба, когда призывно звенели журавли и откликались волны Днепра их вольному крику.

Через два месяца я получил известие об уничтожении новой обители бандой отступающих махновцев и о гибели отца Константина и всей братии, кроме отца Стефана, который случайно был в Киеве. Они погибли 18 ноября, сожженные разбойниками в церкви, где они молились во время грабежа монастыря. Тела их не были найдены в пепле сожженных зданий, только тело отца Константина чудесно было пощажено пожаром. Он умер, держа в руках образ Царицы Небесной, данный ему на Афоне. Отец Стефан возобновил обитель Введенскую через несколько месяцев, и теперь над телами погибших иноков воздвигнута церковь в честь Всех Святых.

Отец Михаил Едлинский

В 1904 году один киевлянин обратился за духовным руководством к отцу Иоанну Кронштадтскому, который сказал ему: «Зачем вы обращаетесь ко мне, когда у вас в Киеве есть великий угодник Божий, мой духовник и друг, отец Михаил Едлинский?» До сих пор Киев счастлив, имея такого светильника Церкви в среде своих пастырей. Я в бытность мою там не раз имел с ним общение, коротко знал его семью и не раз пользовался его мудрым советом и молился с ним. Мое знакомство с отцом Михаилом относится к весне 1919 года. Стояла туманная ростепель. Первые листья деревьев благоухали. Морозящий дождик сыпал по грязным улицам и серым тротуарам, обнажая светлые камни и превращая землю в липкую грязь. Особенно было грязно в переулках Подола. Я еле дошел до Борисоглебской церкви¹⁴ и застрял у ворот церковных, погруженный в грязь. На паперти храма я увидел группу нищих, а среди них высокого, очень худого и очень светлого священника.

Это был отец Михаил. Он заметил меня и, окончив благословлять и оделять деньгами нищих, подошел ко мне. Я назвал себя и, попросив его благословения, попросил разрешения описать храм (я тогда работал в Полиру). Отец Михаил улыбнулся и тотчас вернулся в храм. Вблизи его черты, овеянные просветленной любовью, еще больше поразили меня. Едва можно было выдержать радостную остроту его взора. В храме он долго молился перед ликом святителя Николая и, когда я окончил свою опись, подошел ко мне, обнял меня и с глубокой грустью сказал, указывая на лик Христов:

— Его страдания очень тяжки. Если у вас будут печали, помните Его.

— Батюшка, — спросил я, — будут у меня сложности?

— Да, этой осенью, — отвечал отец Михаил, — но те, кто принял венец, спасены будут. — И он, как бы успокаивая меня, говорил мне: — Можно открывать вам грядущее, но ох, как тяжело возложить иго на других, однако да будет воля Божья, так должно быть.

Я глядел на него. Острая борода, как у Исаака Сирина, глаза, сияющие от влажных слез, и тихая улыбка.

С тех пор я особенно часто стал бывать у отца Михаила. Сблизился с его многочисленной семьей, особенно с его младшим сыном. А когда осенью убили моего отца и друзей, я нашел у него успокоение в моей печали. Будучи священником, часто служил я с ним литургию и должен сказать,

¹³ После гибели священномученика Владимира, митрополита Киевского, временно управляющим Киевской епархией (1919-1921) был назначен епископ Черкасский Назарий (Блинов, 1852-?).

¹⁴ После закрытия Борисоглебской церкви отец Михаил служил вторым священником в храме Николы Доброго вместе с отцом Александром Глаголевым (до 1933 года, когда и этот храм был закрыт).

что чем ближе и яснее становился для меня его лик, тем ярче познавал я его подвиг, подвиг великого жаления людей. Отец Михаил жалел и праведных и грешных, для него не было границ обычных людских отношений. Он не раз во время погромов защищал от разъяренной толпы евреев и никогда не осуждал громил, говоря, что они темные, обманутые люди. Во время многочисленных переворотов у него в семье находили приют все гонимые и отверженные. Он в дни голода сам раздавал беднякам деньги, белье, хлеб. Во время его престольных торжеств к нему сходились бедняки всего Киева, и здесь можно было встретить утешение и для нищих христиан и для оборванных татар, цыган и евреев.

В Киеве отец Михаил слывет святым и многие опытно знают силу его успокаивающего духа и врачующей греховные боли молитвы. Я помню торжество его престольного праздника 24 мая 1923 года. Толпа, поющая молитвы, двигалась ко двору Борисоглебского храма. У входа в церковь была такая давка, что я и отец Александр Глаголев не могли войти туда и принуждены были ждать выхода крестного хода после ранней обедни. Перезвон, яркие хоругви и громкое пение всеми молящимися тропарей Борису и Глебу, святителю Николаю, Иоанну Предтече... Во главе хода идет в белой ризе выше всей толпы, осиянный светлыми лучами, отец Михаил. Едва он сошел к лестнице, к нему бросилась какая-то женщина в красном платке с криком:

— Не погуби! Я побила сумасшедшего брата, я избивала его, я издевалась над ним... |

— Я тебя прощу, если он простит тебя, — говорит отец Михаил. — Простишь ты ее? — кивает он поверх толпы.

Толпа раздвигается, к отцу Михаилу подходит высокий лохматый человек с трясущейся головой и тусклым взглядом. Он смотрит на женщину, и та откидывается от него. Тишина в толпе, только звонят колокола.

— Прости, — тихо, но повелительно говорит отец Михаил сумасшедшему, — а ты больше не обижай, — бросает он сурово женщине.

— Прощу для тебя, — лепечет больной.

— Ну и Бог простит, ради святых мучеников Бориса и Глеба, — радостно отвечает отец Михаил и осеняет женщину и сумасшедшего крестом. И снова несется пение тропарей, и звонят колокола, и бросают девушки цветы — синие, красные, желтые — к ногам отца Михаила.

Отец Михаил очень любвеобильный семьянин. В его большой квартире собираются и живут два поколения, его дети и внуки. Он любит после литургии, сидя в кругу семьи, вести мирную беседу, вспоминать прошлое и рассказывать о выдающихся людях былых лет. Как-то раз, сидя у отца Михаила с князем Владимиром Давыдовичем Жеваховым, теперь епископом Иоасафом¹⁵, основателем храма на Зверинских пещерах, выдающимся деятелем прошлого царствования, рассказал я о неудачном отчитывании бесноватой в Лавре, чему я был свидетелем. Отец Михаил спросил, молодой ли иерей отчитывал больную.

— Совсем молодой, лет двадцати пяти, — ответил я.

— Вот сразу видна слабость человека. — сказал батюшка, — послушайте, что со мною было в молодости. Как-то на первом году моего священства попросили меня отчитать бесноватого мальчика шести лет. Я взял больного мальчика и без предварительного приготовления приступил к молебну над обуреваемым духом нечистым. Я вычитал все молитвы, дух сотряс мальчика и с криком вылетел из него. Я считал его исцеленным и подал ему крест, но вдруг мальчик глухим голосом крикнул мне: «Молод ты еще выгонять меня! Все молитвы вычитал, а епитрахилью не покрыл», — плюнул в меня

¹⁵ В. Д. Жевахов (1874-1938) принял монашеский постриг в 1924 году и в 1926 году был возведен в сан епископа. В 1937 году арестован и расстрелян 4 декабря. Государственным деятелем (товарищем обер-прокурора Святейшего Синода) был его брат, Николай Давыдовым Жевахов, эмигрировавший в начале 20-х годов.

и убежал. Потом, когда я спросил у людей духовно опытных, в чем заключалась моя ошибка и почему я забыл покрыть мальчика епитрахилью, мне указали на то, что духов злобы надобно изгонять, предварительно, по слову Божию, усиленно постясь и пребывая несколько дней в непрестанной молитве. Я обычно мало пощусь, но перед изгнанием духа злобы налагаю на себя пост и усиливаю молитвенное правило.

Батюшка отец Михаил многих спас от темных духов. Его постоянная молитва о людях, согретая пламенной к ним любовью, разорвала не одни узы душевных и темных недугов. Особенно в этой борьбе за душу человеческую, в этом освобождении ее от власти серых диаволов видна сила моления отца Михаила. Он советовал мне всегда перед тем, как молиться о ком-нибудь, узнавать о нем подробно и жалеть его. «Тогда, — говорит батюшка, — Царь Небесный, видя твою любовь, даст тебе за эту любовь и жалость к человеку силу помочь страждущему». Отец Михаил опытно знает эту жалость и силу, соединенную с ней. И теперь, когда я так от него далеко, когда скорбь угнетает мой дух, я мыслью переносусь к нему, прошу его моления и чувствую благодатную силу его молитвы¹⁶.

Архимандрит Николай (Дробязгин)¹⁷

Свист стрижей, предвечернее солнце зноем палит Великую Лаврскую церковь, Голубая бездна неба. У входа в митрополичий дом на лавочке сидит небольшой старичок, юркий, в скуфейке и пенсне. Рядом с ним какой-то длинный в сером пиджаке, с серым лицом и растопыренными руками. Он с кислой улыбкой говорит что-то старичку, а старичок, острый и быстрый, отвечает торопко. Речей их не слышно.

— Кто этот старик? — спросил я А. А. Гамалею (мы только что окончили опись Стефановского придела Великой церкви и шли обедать).

— А вы не знаете? Это знаменитый отец Николай Дробязгин, и как вы до сих пор не познакомились с ним, вы, любитель редкостей?

Я многое вспомнил. Мне представились далекие Киргизские степи, подвиг миссионера среди киргизских юрт, шаманы, разбитая кумирня Куй-гу Фон-дзы, войны далеких лет, авантюры Востока, таинственная тайга, странники и колдуны — все, что говорили мне об этом незнакомом архимандрите со снисходительной улыбкой печерские монахи. Мы подошли к беседующим. Серый человек ушел, а архимандрит как-то чрезмерно быстро благословил нас и еще быстрее стал говорить о своей беседе.

¹⁶ В 1935—1937 годах отец Михаил служил в церкви Николая Набережного. В 1937 году арестован и расстрелян в том же или в 1938 году.

¹⁷ Начало XX века в России, подобно нашему времени, было отмечено печальным, но характерным явлением: представители самых разных слоев общества стали с жадностью интересоваться всевозможными эзотерическими восточными, теософскими, оккультными учениями. Многие считали такой интерес похвальным признаком широты взглядов в противоположность «фанатичному, узкому, школьному, догматизированному православному сознанию». Такое восприятие православия, особенно в среде интеллигенции, было нередким результатом государственного, часто формального, православного образования, воспитания, быта. Среди тех, кто считал себя православным, тоже находилось достаточное количество людей, увлеченных этой неправославной «широтой». Даже и между носителями священного сана встречались лица, с интересом всерьез изучавшие теософию, оккультизм и т. д. По наблюдениям многих старцев и духовников, такие интересы и занятия обычно оставляют неизгладимый след в душе человека, часто ограничивают его духовные возможности. В рассказе отца Сергия мы видим пример замечательно яркой личности, однако духовная неразборчивость, доверие к чуждой православию духовности, а иной раз и прямо темной силе делает архимандрита Николая жертвой колдовства, заставляет его поклониться шаманке, оставляет его бессильным перед ее пророчеством (см. ниже). Его готовность пользоваться тибетскими заклинаниями говорит о том, что он не был укоренен в православной духовной традиции.

Характерно для духа времени и то, что сам отец Сергий, переживший в юности увлечение мистическими учениями, видит в архимандрите Николае романтическую привлекательность и не дает как священник должной оценки его неправославному мистицизму. (Примеч. протоиерея Владимира Воробьева.)

— Терпеть не могу добродетельных сатанистов. Вот два часа доказывал мне, что необходимо молиться за всякую нечисть, жалея диавола, а сам скучен, как пятьдесят тысяч чертей. Сатанисты, по моему, должны быть подобны сибирским шаманам, которые, видя христиан, трепещут от злости и пытаются их зарезать. Зато с какой любовью они поклоняются сатане, как говорят о нем! Огнем дышит их речь. — И он стал рассказывать о своих встречах с шаманами и о блужданиях по Востоку.

Отец Николай Дробязгйн происходил из древнего дворянского рода Дробязгиных. Отец его был харьковский губернатор, предводитель дворянства. Мать, рожденная Акимова, была старшая сестра известного председателя Государственного Совета. Сперва отец Николай был увлечен морской службой. Мичманом убил какого-то кита невероятных размеров в Белом море и потерпел крушение в Великом океане. Увлеченный славой отца Иоанна Кронштадтского и епископа Феофана, он, будучи капитаном второго ранга, знакомится с отцом Иоанном и вступает в переписку с вышинским затворником. Эти два лица изменили судьбу его, и он из блестящего остроумного капитана, пленяющего дам морскими рассказами, превращается сперва в паломника, ищущего Бога среди обителей Руси, затем в смиренного послушника великого старца Глинского Илиодора¹⁸.

Он любил рассказывать о своем пребывании в Глинской пустыни, любил говорить о необходимости внутренней брани с врагом рода человеческого. «Когда я приехал в пустынь, — говорил он, — и мне дали отдельную келью, я почувствовал такой мир и тишину в сердце, что написал черною краской на дверях кельи: „Се удалихся в пустыню спасения от малодушия и бури“. Сосед мой по келье был знаменитый Марк-простец, подвижник, простаивающий в восхищении по неделям в молитвах. Он был столь смиренномудр, что просил, чтобы каждый проходящий бросал в него землю. Звери любили его, и он исцелил многих. Этот Марк, идя к колодезю, прочел надпись на моей келье и каракулями крупными начертил мелом: „Кто не терпит внутренней брани, тот будет вечно жить со врагами“».

Внутренняя брань преследовала всю жизнь отца Николая, и он в Сибири, в Баден-Бадене и в Париже, в Японии — всюду, куда ни закидывала его судьба, кипел и боролся, нападал на бесов и часто падал ими побежденный, чтобы с удвоенной силой ранить их молитвой и подвигами. Если прочесть послужной список отца Николая, то становится удивительно, куда только может человека занести судьба. Послушник Глинской пустыни, миссионер Тибета, Сибири, Японии (в сане иеромонаха). Три года кругосветных путешествий, начальник миссии и духовник королевы Болгарии (проводит мысль о принятии цесаревичем Болгарии православия). Начальник миссии в сане архимандрита в Иерусалиме, в Париже и в Баден-Бадене, откуда после скандальной истории переведен в Бабайки. Отсюда он по доносу послушника, которого торжественно высек на дворе за прелюбодеяние, в присутствии всей братии, переведен на Кавказ, в далекий монастырь игуменом (донос заключался в том, что отец Николай, будучи игуменом, ходил на охоту). Затем начальник миссии в Персии и снова в Болгарии, где пробыл до 1912 года, когда бежал на Кавказ, где завел сношения с плясовцами. В 1914 году был вызван в Петербург, но не поехал никуда, а поступил духовником гвардейского флотского экипажа. Участвовал в боях не только как священник, но и как наводчик-артиллерист. В 1917 году случайно прибыл в Киев, остановился в Лавре, где и окончил свои дни.

Интересны рассказы покойного отца Николая. В них всегда были элементы борьбы со злыми силами, и, будучи человеком необычайно правдивым, отец Николай не щадил себя в них. Помню, раз, идя с ним мокрым вечером из Лавры к моей сестре, мы говорили о предсказаниях и он мне поведал об одном странном предсказании, которое тревожило его всю жизнь. Вот его рассказ:

¹⁸ См. о нем: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI-XX веках. М., 1994, с. 237-240, 252-281.

«Это было в бытность мою в Сибири. Мне как-то пришлось сойтись с одним полковником в отставке, Манкуровым. Этот Манкуров жил странно одиноко в тайге. Он пригласил меня к себе погостить на недельку, причем взял с меня слово, что я никого с собой не возьму.

Я поехал один до какой-то лесной сторожки, причем, наученный горьким опытом, взял с собой требник с заклинательной молитвой, крест, мантию и полное облачение священника. Взял и особый ладан, весьма противный для тамошней нечисти. Ехал я лесом, но не встречал решительно никого, ни из лесных духов, ни из диких зверей. В сторожке дожидался меня Манкуров. Он всегда одевался тщательно и строго, что очень шло к его красивому лицу. В этот день он побрился, надел старинный черкесский мундир, папаху и казался свитским генералом, готовящимся предстать перед царем, а не обладателем пяти тысяч десятин дикой тайги и дома, отстоящего от жилья на пятьсот верст.

Манкуров дружески поздоровался со мною. Он был недоволен, что я взял с собою святыни.

— К чему это, у меня все дома благополучно, — говорил он и даже пытался меня убедить оставить святыни в сторожке, но я его не послушался. Ехать нам пришлось сквозь тайгу по корням, и на одном толчке у меня вывалился кусковой сахар.

— Остановитесь, сахар вывалился, — сказал я.

— Пустяки, они подберут, — ответил Манкуров.

— Кто они? — спросил я.

— Это не ваше дело, — резко ответил Манкуров. И мы поехали дальше.

В доме Манкурова я сразу почувствовал себя странно. Я попал, как в сказке, в заколдованный замок. Начались чудеса с первого момента нашего приезда. Манкуров слез с экипажа и кому-то отдал на странном языке приказание. Невидимые руки ссадили меня с экипажа, сунули мне мои вещи и провели по крыльцу в дом.

В доме меня поразила обстановка охотника. Я сам безумно люблю охоту и не мог равнодушно смотреть на шкуры редких зверей и чучела птиц, заполняющие комнаты. Но когда я вошел в столовую, ужасу моему не было предела: на столе лежали слегка запыленные куски сахара.

— А, уже подобрали молодцы, — сказал Манкуров.

И мы стали есть какие-то мне неведомые чрезвычайно вкусные плоды. Нам подавали их на воздухе невидимые существа. Любопытство и желание увидеть духов кипело во мне¹⁹, но на мои расспросы Манкуров был нем и переходил на скучные пересказы о лесном хозяйстве и общих знакомых. Наступил вечер. Зажглись сами собой лампы. Меня стала клонить дремота, и я пошел в свою комнату. В этой комнате, я заметил, не было образа, как и в других. Я, следуя монастырской привычке, вынул собственный образ, надел епитрахиль, развернул молитвенник. Но едва стал читать молитвы, как услышал какой-то разговор в столовой.

Я подошел к двери и увидел Манкурова, сидящего с необыкновенно прекрасной юной девушкой на диване. Манкуров взял гитару, а она, одетая в пестрый халат, с бубенцами на голове, томно опустив чудные очи, стала слегка напевать какую-то песню. Звуки лились, я стоял пораженный. Вдруг исчез дом, исчезла тайга. Я увидел другой дом в далекой России, себя молодым капитаном. Колонная зала и она, девушка, которую я любил больше жизни, знакомый напев любимого

¹⁹ В этом признании архимандрита Николая, очевидно, разгадка многих странностей его рассказа, которые заметит православный читатель. Только великие святые могут без вреда для себя выдержать общение с бесами. Легкомысленное любопытство, проявленное отцом Николаем, лишило его правильного восприятия действительности и подчинило демонской силе. Из дальнейшего видно, что отец Николай не руководствовался в своей жизни святоотеческим учением. Отсюда и его оценка языческого монашества, и страх предсказания («Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком», — говорит Иоанн Лествичник - 3, 27).

глинковского романа... Слезы хлынули из глаз. Я вдруг почувствовал такую любовь, такую нежную тоску, что бросился в слезах к ногам любимой — и очнулся у ног проклятой шаманки.

Тут я все понял. Понял, что это была знаменитая Хэунья, поклявшаяся меня унижить, так как я привел к христианству около двадцати ее поклонников. Вспомнил тут я и темные слухи о связи Манкурова с шаманкой, но все было поздно: я поклонился нечисти. А шаманка грустно смотрела на меня и сказала слегка дрожащим голосом:

— Помни, ты умрешь страшной смертью, — и исчезла. И с тех пор до этого дня я знаю, что шаманка права и я умру страшно».

«Как же вы, неужели в епитрахили поклонились ей?», — спросил я. «Нет, я снял епитрахиль, когда был заморожен. Но, знаете, я тоже, правду сказать, воспользовался любезностью этой твари. Я страстный охотник, и Манкуров предложил мне поохотиться на тибетскую лисицу. Я, как монах, отказался.

Но во время захода солнца, когда мы чайничали после прекрасного обеда, послышался такой треск, шум и гам по тайге, что, казалось, ураган ломит столетние деревья. Я взглянул на Манкурова. Он спокойно допивал свой стакан.

— Что это? — с ужасом спросил я его.

— Это стадо оленей бежит из Тибета, — отвечал он.

Мы вышли на крыльцо, и никогда не забуду я этого зрелища. Ломая ветки, неслось стадо оленей. В белой пене, усталые, с кровавыми глазами, они бессмысленной лавиной наполняли пространство долины перед домом. На первом олене сидела тибетская лисица. Солнце бликами крови освещало оленей и танцующую на их спинах „шаманку". Соблазн был слишком велик. Я схватил ружье и, нарушив монашеский обет, убил лисицу. Потом я сделал из ее шкуры себе митру.

Но этим искушение не кончилось. Она, окающая, чуть меня не утопила. Я на другой день пошел гулять по тайге. Чудная была эта тайга: цветы, долины, не было суровости однообразных деревьев. Иду я и вижу долину, и в долине играет маленькая девочка лет пяти, моя подруга детства. Я с ней бегал, когда был ребенком. Увидела меня, манит, улыбается... Что со мной случилось, не знаю. Бросился я к ней и погиб бы, так как это была трясина, да какие-то маленькие мальчики, так примерно по полгода, уцепились за мои ноги и держат. Много их, этих мальчиков, и все одинаковые. В этот же вечер я уехал, и только когда быстрые кони увозили меня от Манкурова, я вспомнил, что ни разу не помолился и не покурил ладаном, гостя у него. Вот как победила меня шаманка и, главное, ужасом наполнила предсказанием своим».

Я забыл многие чудесные рассказы отца Николая²⁰. Часто бывая в Лавре, сперва как заведующий музеем и сотрудник Полиру, потом как священник, я очень был близок с ним. Веселый, быстрый, мало похожий на монаха, меня пленял отец Николай и своей добротой и своим абсолютно пренебрежительным отношением к окружающей действительности. Он пламенно боролся с демонами и в Лавре и терпеть не мог ни ярых монахов, ни «холомандритов» (то есть архимандритов), ни «пузырика» (полного епископа И.), называя их «рассадники духов злобы поднебесных». «Злые духи возникают от сплетен, это их атмосфера. А в монастыре они пытаются спастись сплетнями. — говаривал он, — и гибнут от них и губят Лавру».

«А есть хорошие монахи?» — спросил я его как-то. «Как же, есть. Вот возьмите Оптину, Валаам... Но все же не то, что у еретиков. Не видал я выше тибетских монахов. Вот это люди так люди.

²⁰ Еще один такой рассказ, записанный близким отцу Николаю человеком, приводит иеромонах Серафим (Роуз) в книге «Православие и религия будущего» (Иеромонах Серафим Роуз. Святое православие. XX век. М., 1992, с. 117-121). Там же сообщается об обстоятельствах гибели архимандрита Николая.

Я знал одного столпника, он отличался необычайной любовью к тварям. Жил этот столпник в Лхасе. Сам Далай-Лама часто бывал у него. Раз приехали к нему какие-то англичане и, представьте, толстая англичанка вознамерилась лезть к столпнику на столп и раздавила какую-то козявку. Столпник пришел в гнев и внушил ей, что она терпит кораблекрушение. Англичанка начала вопить не своим голосом и делать движения руками, как будто она плывет. Мы все, здесь присутствовавшие, чуть не умерли от смеха. Удивительной прозорливостью отличался этот столпник. Он рассказал всю мою жизнь и предсказал насильственную смерть».

«Тибетские монахи знамениты своими молитвами, — продолжал отец Николай, — они молятся целыми сутками, у них обряды сходны с нашими, и во многом они сходны с нами. Они научили меня замечательным заклинаниям. Я, когда был в Александро-Невской Лавре, воспользовался ими и изгнал темного духа из одной женщины. Но, видимо, все-таки их заклинания действуют наполовину. Когда женщина причащалась Святых Тайн, она перед святой чашей обратилась ко мне и по-тибетски (а ведь женщина была баба Петербургской губернии) назвала один мною забвенный грех юности, в котором я не каюсь. Но я не смутился и, назвав одного из тибетских демонов, изгнал его и причастил женщину. Она с тех пор стала здорова²¹».

Предсказание смерти висело темным облаком над архимандритом Николаем. Близкие ему люди знают, как мучился он им. Помню собор Лавры, помню длинные вереницы соборных старцев, пары иеромонахов, архимандритов Климента и Димитриана, юркого отца Николая с особыми лиловыми скрижалями на мантии. Собор был созван по моей инициативе. Я в то время был сотрудником Полиру и охранял Лавру. Я предложил соборным старцам снять с учета не имеющие археологической ценности иконы и продать их в деревенские храмы. Собрание шло чинно. Чинно кланяясь архимандритам, выступали с речами монахи. Архимандрит Николай не обращал внимания на торжественность обстановки и вел веселый разговор о каких-то общих знакомых с иеромонахом Михаилом, одним из немногих его друзей. Как вдруг он быстро встал, подошел ко мне и спросил:

— Что вы скажете, предсказания исполняются?

— Как какие, — отвечал я.

— Исполняются безусловно.

— И чего вы боитесь смерти, отец Николай? — сказал с улыбкой старого дипломата архимандрит Димитриан.

— Я вчера вычитал у аввы Исаяи, что одно из самых тяжелых испытаний — это знание будущего, — продолжал отец Николай, — и это знание угнетает меня.

Странно почувствовал я себя. Мне показалось, что какая-то бездна открылась. Я прочел в ней что-то тяжелое, глубокое и отодвинулся испуганно от архимандрита Николая, как мы отшатываемся от привидения или от двойника.

Отношения отца Николая с братией Лавры были плохие. Правы были и те и отец Николай. Он справедливо упрекал братию в сплетнях; они не могли понять его суетливости. Не раз и я грешил перед архимандритом Николаем. Стоя в большом правом приделе Великой церкви, я слышал, как в то время, когда шла служба, архимандрит Николай что-то говорил в алтаре, и я резко осуждал его.

Бедность терпел отец Николай удивительную, и когда покойный Патриарх передал через меня ему червонец, я помню детскую радость его, помню, как он повторял: «Да как много, не знаю, что с

²¹ Рассказанный случай ярко изображает состояние прелести, не ведающей различия между тибетским заклинанием и молитвой Церкви.

ним и делать!» А кто не знал его холодную сырую комнату, кто не слышал его тревог о дровах и хлебе?

Друзья были у отца архимандрита главным образом светские. Это были теософы, сатанисты, католики, дамы светские, некоторые киевские протоиереи и почти все юноши и девушки, ищущие Господа²². С ними он делился своими обширными знаниями святых творений, отвергал бред современных религиозных течений. Он, несмотря на приключения на Востоке, в своей жизни являлся типичным представителем западного монаха, любил балагурить и вместе строго соблюдал малейшую букву монашеского молитвенного правила. Не было в покойном архимандрите ни малейшей лампадности елейных слов, грустно-безнадежной улыбки, не знал он пошлую сторону церковного быта. В ноябре 1923 года он был убит разбойником у себя в келье. Исполнилось то, что тревожило его всю жизнь. Я посетил летом 1924 года его могилу, и, когда молился я об упокоении его души, в моей душе звучали слова святой молитвы: «Дан вам крест - ведение страшной кончины вашей, и крестом смою грехи ваши».

Бабушка Александра Пантелеймоновна

Счастлив тот пастырь, который в начале своего служения Богу встретит среди своих духовных детей человека, стоящего выше его в духовной жизни, — когда на таинстве покаяния видит он обнаженную душу, светящуюся светом неизреченным, когда, созерцая жизнь руководимого им, он поучается подвигом веры, любви к Богу и людям. Я имел это высокое счастье в начале своего пастырского служения, когда я был настоятелем церкви Почтовой Виты, когда в числе моих духовных детей была бабушка Александра Пантелеймоновна. Ее подвиг заключался в полном и сознательном подчинении своей воли воле Божией, и воля Божия выражалась, в ее представлении, в деятельной любви к окружающим и в исполнении всех правил Святой Церкви. Эта уставность, данная величайшей заповедью Христа Спасителя, приближает жизнь бабушки к житию угодников Божиих.

Багрянец листов осенних деревьев превращался в золото, жара и духота сменялись сизой прохладой, садилось солнце, когда я и мама взошли в село Почтовая Вита, на мой первый приход. Нас, утомленных длинной дорогой, подбросил Никита, ехавший на Биту на «беде» (двухколесная телега). И «беда», и Никита, и смутный шум пылящего стада слились в моей памяти в первый аккорд моей витинской жизни. Крестьяне сидели на бревнах, в высоких шапках, спокойные и величавые, говор был тихий, шло какое-то сельское собрание. Я назвал себя. Из соседней избы вышел старый худой человек с яйцевидной головой, с благообразным лицом и слезящимися глазами. Это был регент и в то же время церковный сторож. Вскоре раздался дребезжащий тонкий голос колокола. Я, окруженный прихожанами, вошел в церковь. Дача, пристроенная к часовне и превращенная в храм, сперва на меня произвела странное впечатление, но когда я увидел дивный иконостас с мерцающими лампадами, увидел скромный престол, ризницу и лики святых, я почувствовал те неразрывные цепи, которыми доньше связан с моим первым храмом. Начался молебен, и впервые услышал я дивный хор под

²² В таком неразборчивом общении нельзя не видеть недостаток духовной мудрости. Древний патерик содержит рассказ о старце столпнике, отказавшемся однажды принять пастуха, которого часто принимал ранее. На усиленные просьбы товарища пастуха он ответил: «Бог отвращается от него, чадо, и я не могу принять его» (Луг духовный, глава 129). Так же поступали и старцы близкого к нам времени. Из жития преподобного Серафима Саровского известно, что он, с любовью встречавший всех, однажды отказался принять некоего «потерянного человека» и запретил послушнику, который за него просил, всякое общение с ним («Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника». Муром, 1893, с. 159 - репринт [Б. м.], 1991). Добрейший батюшка Алексей Мечёв, к изумлению всех стоящих в храме, не допустил на исповедь нескольких незнакомых дам и не пожелал даже разговаривать с ними, провидя в них какое-то непоправимое человеческими силами падение (Монахиня Иулиания. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва. [М., б. г.], с. 32, 61-62).

чудесным управлением. Я сказал по окончании молебна слово о жизни во Христе, которая есть любовь, и был единогласно избран настоятелем. Из церкви я с прихожанами отправился к бабушке.

На пороге хатки нас встретила небольшого роста старушка, с резкими, но приятными чертами лица, с умной улыбкой, с большими черными глазами. Около нее была другая старушка, очень некрасивая, с добрым открытым лицом и лучистым ясным взором. Это были витинские бабушки Александра Пантелеймоновна и Анна Сергеевна. С этого первого моего дня витинской жизни до последнего дня пребывания моего на первом приходе бабушки были не только ближайшими друзьями моей семьи, но и первыми руководителями моими в моей пастырской жизни. В первый же вечер пребывания моего у бабушек я увидел их быт, каких-то полуголых мальчишек-оборванцев, лохматого старца, приходящих к бабушкам получить хлеб и деньги. Им объясняли, где они могут ночевать, справлялись о их здоровье. Суета длилась до десяти часов, тогда хата закрылась и наступила духота и шелест ночных мышат. Бабушка жила бедно, делилась последней копеечкой с неимущими, с голью, выброшенной жизнью в страшные годы междоусобной разрухи. Эта черта подвига бабушки привлекла к ней многих несчастных, многих брошенных в скорбную тину нищеты и страданий.

А был у бабушки и иной подвиг. Холод, в алтаре в щели дымится метель. Дьячок давно ушел, и приходится петь за него. Идет заказная обедня. В храме еще холоднее, и в замерзшую дверь тонким свистом несется ветер. Когда окончил литургию, я едва снял с себя ризы, боясь прикоснуться к металлу. Вошел в церковь и с изумлением увидел у столба на обычном месте бабушку, закутанную в коричневый платок. Она улыбается: «Что, не ожидал, батюшка? Ведь это долг наш, Богу угодна наша молитва трудовая. Что за труд молиться в теплой церкви, а вот в холодной хорошо». И всегда бывала она в храме. И Великим постом, когда изморозь застывала на стенах, и в непроходимую осень, и в весеннее половодье. Крест ее подвигов был нужен для других прихожан, когда они, глядя на ее молитвы, учились почитать храм, понимать его святость.

Были подвиги и неведомые многим. Часто придешь к бабушкам, Анна Сергеевна встречает с опечаленным видом: «А бабушка опять в закопечке». Закопечком называлось пространство от кровати до печки, задернутое черной материей. Там она страдала; у нее были сильные боли грыжи, нервные нестерпимые боли желудка с почти непрерывной рвотой, и все эти страдания бабушка переносила не только без ропота, но с явным благодушием. Как-то раз, удивляясь ее мужеству, я спросил бабушку, откуда у нее силы для преодоления мук. Она ответила: «Батюшка, разве эти боли страшны? Страшны боли души, когда теряешь дорогих людей. Я потеряла всех близких, кроме Анны Сергеевны и Сони и, видит Господь, тогда тоже не роптала. Ведь если вспомнишь Христа, свой перед Ним долг, что по единой заповеди не исполнено, по любви, то подумаешь, что эти все скорби малы. Скорби посланы — поскорбеть надо. Я никого не забыла из умерших и тоскую о них до сих пор, но не ропщу на Бога, сознаю свою перед Ним вину и об одном прошу, чтобы Он дал мне силы любить Его и творить Его волю». Эти слова она мне говорила во время жестокой боли печени, когда не могла она ни стоять, ни лежать, а просила, чтобы ее подвинули к спинке кровати.

Был страшный день на Вите. Проснулся от радостного звона - был Великий Четверг. На улице слышались поспешные шаги и голоса. Пришел церковный сторож и рассказал, что поймали воров и их убивают на сборной возле церкви. Я сразу понял, что мне надобно сделать. Я пошел к церкви, помню, старался удержать малого, бегущего с топором, помню, что-то ему кричал, слышал брань и угрозы от каких-то солдат. У хаты бабушек меня встретили Иван Васильевич (псаломщик) с Анной Сергеевной, уговаривали не ходить на побоище, говорили, что воров, вероятно, убили. Из дверей избы вышла бабушка, строго на меня взглянула, сказала: «Как вы допускаете убийство в день, когда был предан Спаситель и отпустили Варраву?» Я ушел на сборную. Бог мне помог, воров отпустили и не было казни.

Жизнь бабушки была тяжела. В ранней молодости она потеряла отца, который очень много пил и много доставил страданий ей и ее матери. После смерти его Александра Пантелеймоновна стала заниматься перепродажей живности на Владимирском базаре. Об этом времени не любила вспоминать бабушка. «И где продажа, там и обман, — говорила она, — хоть немного, на полушку, а все обсчитают кого-нибудь. Это грех». Прекратила бабушка свою торговлю по настоянию известного странника и юродивого Ивана Васильевича Кретнева. Как-то, идя по базару, он заметил Александру Пантелеймоновну и крикнул ей: «Довольно послужила мошне, служи Христу!» С этими словами дал ей пирожок с капустой. Бабушка едва съела этот пирог, как почувствовала такое отвращение к обману и лжи и к своему ремеслу, что тотчас бросила продажу. Для нее наступили тяжелые дни нужды. Она сперва поступила в услужение в семью какого-то офицера, где ее оклеветали и обвинили в воровстве и безнравственности. Гордая, самолюбивая, она не вынесла оскорбления и решила покончить с собой. Для этого, исповедавшись и причастившись, она, купив серу, решила выпить ее в кухне, воспользовавшись отсутствием хозяев в доме. Но едва она поднесла яд к губам, как раздался резкий стук в дверь. Бабушка поставила стакан на стол и отворила дверь: на пороге стоял высокий седой оборванный старик в железной шапке с деревянной палкой. Его вид являл суровость, он гневно сказал ей: «Как ты смеешь так грешить, как ты смеешь не переносить обиду, когда Бог за тебя страдал, а тебя, скверную, еще вчера на исповеди простил?! Уходи отсюда сейчас же, но повинись перед теми, кто тебя обидел, и никогда не смей роптать во время обид». С этими словами старик хлопнул дверью и ушел. Бабушка исполнила его завет и до глубокой старости весьма терпеливо и незлобиво переносила обиды и оскорбления. Кто был этот старик, бабушка не знает. Она полагает, что это был известный Александр, странник и юродивый, подвизавшийся в конце шестидесятих годов на Украине.

Александра Пантелеймоновна поступила нянькой в семью, где прожила более сорока лет. В семидесятих годах на ее духовную жизнь особенное влияние приобрел старец Ходжа, афонский подвижник, с которым была в переписке ее хозяйка и который передавал письменно свои поучения Александре Пантелеймоновне, а также митрополит Киевский Филофей²³, один из замечательных русских праведников конца XIX века. Особенно поразил бабушку владыка в 1879 году, когда в Неделю Православия он сказал слово о грядущем антихристе и закончил свою проповедь восклицанием: «Братья, сестры, отцы, матери! Враг уже плетет свои сети, уже ловит души. Покайтесь и берегите свою веру, не вырывайте из сердца Христа!». Бабушка вспоминала: вид у митрополита был чудный. Он весь был как бы в сиянии, слезы падали в избытке из глаз его, а жезл свой он держал перед собою, точно крестом защищаясь от вражеской силы. Народа в Софийском соборе было множество. Так был набит людьми собор, что даже у некоторых образов выбили стекла, и все глядели на владыку и, слушая его слова, плакали и ужасались. «Я, — говорила бабушка, — сумела после службы подойти к владыке и спросить его, что же теперь надо делать, чтобы спастись. „Не осуждай ближнего и читай каждый день канон Божией Матери — помощь в скорби душевной“, — ответил мне святитель. И я с тех пор каждодневно читаю этот канон и боюсь судить других, помня завет святого подвижника».

Революция оторвала бабушку от семьи, и она переехала в хату своего отца в деревню Почтовая Вита, где я ее и застал, окруженную глубоким уважением всех жителей села. Под влиянием бабушки была построена церковь, с ней советовались во время выборов в сельский совет, к ней несли свои домашние печали, у нее мирились, сватались. Ее мнением дорожили не только граждане Почтовой Виты, но и окрестных деревень и сел. Но при почете, который ее окружал, бабушка была одинока. Ее порывы ко Христу, ее постоянную единую думу о спасении души и помощи ближним не понимали: она была слишком чужим человеком для погруженных в земные заботы крестьян. В революционные годы судьба случайно соединила ее с Анной Сергеевной, человеком необычайно добрым, глубоким и порывистым. Целыми днями она помогала людям и зарабатывала скудные средства для себя и

²³ Филофей (Успенский, 1808-1882), митрополит Киевский с 1876 года.

бабушки. Но и этот чуткий человек недооценивал бабушки и иногда своей суетой и осуждением близких ей людей глубоко огорчал ее. С тем большей радостью сошлась бабушка с семьей моей, с которой она была особенно близка, и подружилась со мною.

Вспоминая свою жизнь в Почтовой Вите, я всегда помню бабушку, помню наши длинные речи, помню ее советы и руководство в моем первом приходе, где так же, как и в каждой православной общине, были партии и ссоры, но где мне удавалось пресекать тщеславие, сглаживать отношения и творить подлинную христианскую общину. Этого, увы, без совета опытных прихожан не удалось мне сделать в Сергиеве и здесь, в Волосове, хотя и в Волосове и особенно в Сергиеве я пользовался исключительным влиянием на своих духовных детей и их любовью.

Помню пение метели, тусклый свет лампы и шум самовара. Окна разрисовал мороз необычными цветами. Уже давно прохрипели часы десять, а все еще длятся воспоминания бабушки, ее речи о святых местах, о дивных людях. Иногда вечером читал я свои «творения» ей и выслушивал строгие, но мудрые ее замечания. Так шли дни зимние, с торжеством праздников, с ночными светлыми заутренями, мирно и тихо, как шум спокойный дерев столетнего бора.

Любил я в знойные летние дни наблюдать, сидя с бабушкой у ее дома, как солнце склонялось и наступала ароматная вечерняя прохлада. И осенняя хлюпкая грязь и весенние бурные воды — ничто, бывало, не остановит меня от посещения бабушек, от того, чтобы рассказать им о событиях дня, о своих думах, узнать от них об их ежедневных заботах.

У бабушки была особенность вещей снов, это ее очень огорчало. «Вот, батюшка, люди узнают горе в час, когда им Господь посылает, а я заранее переживу горе, а потом снова его мне переносить приходится». Ходили тревожные слухи об отобрании золота и драгоценностей в киевских храмах, и, как всегда бывает, эти слухи внезапно превратились в благополучные речи о мудрой политике митрополита Михаила, о том, что благодаря ей не будет изъятия ценностей и большевики ограничились добровольным пожертвованием церковных общин в пользу голодающих. С этой вестью я шел к бабушке.

Вечернее солнце золотило светлые облака, загорались лиловые лучи. Лес покрылся сероватой дымкой, лужи стыли синими пятнами льда; снег исчезал, обнажая свежую землю. Где-то далеко шумел первый порыв проснувшихся вод, и ему вторили сады села, разбиваясь о дыхание теплого ветра. Бабушка вышла навстречу, и ее грустный взгляд меня поразил.

— Я к вам с доброй вестью, — сказал я и передал городские слухи.

— А я вам скажу, не верьте слухам, — отвечала бабушка. — Сегодня ночью я видела сон, видела Лавру всю в огне и слышала топот каких-то людей и крики: «Лавру грабят, спасите Владычицу!»

Сон исполнился: через два дня мы узнали подробности первого грабежа Лавры.

В 1923 году мы уехали из Виты. Для бабушки наш отъезд был большим горем, и она даже захворала после прощания с нами. А через год я посетил мой первый приход. Был Ильин день, была жара, были разряженные толпы народа. Я служил, окруженный людьми меня любящими, литургию и молебен, целый день ходил по гостям и с бабушками виделся мельком, рассчитывая провести у них одних вечер. Но, увы, вечером к бабушкам пришли гости и до позднего вечера мы были с чужими. На другой день бабушка хворала, едва могла говорить от болей, вечером я уехал. При прощании бабушка перекрестила меня и сказала:

— Очень я боюсь за вас, батюшка, в новом приходе!

— Что вы, — ответил я, — меня так любят в Сергиеве.

— Любить-то любят, а чую, что недаром я сон видела, будто вам тяжкий крест вручил какой-то седой инок!

По приезде моем в Сергиев я через три недели был арестован, и начались мои жизненные невзгоды.

Шли годы печалей и волнений, много лиц промелькнуло передо мною, много новых привязанностей и встреч вошли в душу, но лик бабушки остался для меня особенно родным и светлым. Думаю, и она не разлюбила меня. Слежка за мною ГПУ заставила меня прекратить переписку с Киевом, и я не знаю, жива или нет бабушка, но наше общение, прерванное во времени, не прерывалось духовно. В день ареста епископа Афанасия²⁴ во Владимире, когда я ждал собственного ареста, она явилась во сне маме в своем обычном для Виты коричневом платье, укутанная, как, бывало, одевалась она в дни зимних посещений нас на Вите, и сказала: «Пусть батюшка не беспокоится, все будет хорошо». Когда мама хотела удержать бабушку, та сказала: «От смерти меня только отпустили предупредить вас». И ушла. Мама проснулась успокоенная. Действительно, меня тогда не тронули. Что это было?

Загробный привет, или ее любовь, преодолев расстояние и прозрев грядущее, дала мне знать о моей судьбе? Не знаю. Только еще раз, как далекий угасающий луч заката, мелькнул передо мною ее образ и воспоминание первых радостных дней моего священства. И созерцая их, прозвучали в душе слова Данте: «Нет больше горести, как вспоминать дни радости во дни печали».

МОСКОВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Отец Алексей Мечёв

Духовная жизнь Москвы с детства была близкой мне. С семи лет, то есть со времени моего приезда в Москву, я не пропустил ни одной торжественной церковной службы. Звоны Кремля, мгла ранней обедни, золотые ленты крестных ходов всегда привлекали меня, и я любил теряться в толпе, ожидающей приезда Иверской и простаивать долгие ночные моления у Пантелеймона в часовне. В часы богослужения я видел многих замечательных иерархов, прославленных в наши дни святой жизнью. Я видел служение митрополита Владимира²⁵, Макария²⁶, епископа Арсения Серпуховского²⁷, митрополита Кирилла²⁸, протоиерея Валентина Амфитеатрова²⁹, митрополита Иринея³⁰, старца Аристоклия³¹ и других замечательных подвижников, но с ними не соприкасался, не имел духовных бесед и близости. Я знал хорошо великого старца нашего времени, отца Алексея Мечёва, хорошо знал и замечательных теоретиков наших дней, несущих на себе крест исповедания твердости Православия: епископа Феодора и епископа Николая. Много раз в дни своего служения в Сергиеве я соприкасался со Святейшим Патриархом Тихоном, мучеником и страдальцем за Христову веру. Знал я близко юродивых, странников и многих, многих посвятивших себя на подвиги вере Господней, жизнь

²⁴ Во время жизни отца Сергия во Владимире епископа Афанасия (Сахарова) арестовывали дважды: 2 января 1926 и 2 января 1927 года.

²⁵ Владимир (Богоявленский, 1848-1918), митрополит Киевский с 1915 года, священномученик.

²⁶ Макарий (Невский, 1835-1926), митрополит Московский с 1912 по 1917 год (смещен Временным правительством), выдающийся миссионер.

²⁷ Арсений (Жадановский, 1874-1937), епископ Серпуховской с 1914 года. Неоднократно арестовывался, расстрелян 27 сентября 1937 года.

²⁸ Кирилл (Смирнов, 1863-1937), митрополит Казанский с 1920 года. С 1922 года постоянно находился в тюрьмах или ссылке. Расстрелян 20 ноября 1937 года.

²⁹ Протоиереи Валентин Амфитеатров (1836-1908), настоятель кремлевского Архангельского собора, один из наиболее чтимых московских священников.

³⁰ Митрополита с таким именем не было в 10-20-е годы XX века. Неясно, кого здесь мог иметь в виду отец Сергий.

³¹ Старец Аристоклий - настоятель подворья Афонского Пантелеймонова монастыря в Москве.

которых я описал в моих очерках, теперь почивших православных и странников ради Христа. И посему могу смело сказать, что знаю праведную Москву.

Особенно памятно мне мое последнее свидание с отцом Алексеем Мечёвым, которое открыло мне путь на мою священническую деятельность. Всегда почитая отца Алексея, я не был у него на духу, так как был под руководством оптинского старца иеросхимонаха Анатолий и не искал иных учителей духовной жизни. Зная много об удивительной любви к людям отца Алексея, о его прозрениях и чудесах, я благоговел перед ним, но не смел беспокоить его обычным посещением и знакомством своим. Когда отец Сергей Дурьлин поступил на Маросейку и отдал себя всецело под руководство отца Алексея, он особенно советовал мне сблизиться с ним. Весной 1921 года я решился попросить благословения отца Алексея на священство и был у него. Духота весеннего жаркого города, народ у входа в квартиру отца Алексея, очень много детей в столовой, самовар на углу стола и несколько случайных лиц на диване — все сеяло суету и отсутствие семейственного уюта. Меня позвали вскоре в комнату отца Сергия, сына отца Алексея. У киота сидел на табурете отец Алексей. Я видел много старцев, много великих подвижников — даровано мне счастье видеть Богом, — но ни у кого не было той бодрой радости во взоре, как у отца Алексея. И эта радость освещала его быстрые движения, пряди седых волос, небольшую бороду, тонкий голос.

Он благословил меня и тотчас сказал: «Ты хочешь быть священником. Будь, если очень любишь Христа и если чувствуешь, что не можешь жить и не совершать литургию. Служба священника — это литургия и безграничная любовь ко всем. Весь мир — твоё семейство должен быть. Если будет такая любовь ко Христу, людям, ничего не бойся и в этом и в будущем мире. Ты победишь врага рода человеческого и спасен будешь. А если нет у тебя желания совершать литургию и не любишь ты людей, как свою семью, остерегайся быть пастырем, большой ответ дашь Богу». Далее отец Алексей рассказал мне, как отец Иоанн Кронштадтский утешил его после смерти жены, заповедав ему любить своих духовных чад, как свою семью, и в этой любви отец Алексей нашел успокоение после тяжкой потери. «Одного боюсь, — говорил при конце нашей беседы отец Алексей, — ты очень слаб волею. Вот не любишь укорять даже тогда, когда это следует. И не любишь не ради спасения твоей души, а из-за ложного самолюбия, боишься людской молвы. Я тебе дам образ святого Еромогена, он поучит тебя твердости». Я попросил отца Алексея благословить жену мою, которая тогда ждала первого ребенка. Батюшка послал ей образ преподобного Серафима. При конце беседы отец Алексей еще раз благословил меня и сказал: «Главное, будь весел и радуйся Божьему миру и любви Божией, и все хорошо будет». Больше я не видел отца Алексея, но ясные слова открыли мне тайну подлинного священства. Когда бывало трудно любить грешных и прощать обиды близким, я вспоминаю его лицо и пытаюсь следовать его завету — быть веселым среди скорбей жизни.

Епископ Николай

Из известных мною иерархов я особенно был близок с епископом Николаем³², с самым значительным иерархом наших дней. Подвиг святительства заключается в бережении заветов Святой Церкви от мирских течений и соблазнов внесения в жизнь Церкви человеческих страстей и тревог. Епископ Николай, сознавая всю трудность борьбы с новым современным православным толком — с вычурным пением, крикливым диаконом и властью мирян в деле церковного управления, настойчиво и властно боролся против этих человеческих врываний в святое святых и нередко выходил победителем в борьбе за Церковь. Он оберегал, указывая на ошибки компромисса, владыку Петра и высшую церковную власть от тяжких грехов измены Христу и Его заповедям. Твердо и непоколебимо

³² Николай (Добронравов, 1863-1937), с 1923 года архиепископ Владимирский и Суздальский. Был расстрелян в 1937 году.

стоя у кормила Церкви, он был управляющим Московской епархией в бурные годы живоцерковников. Епископ Николай умел в эти смутные годы и проводить важные церковные реформы, и подготавливать почву для грядущего слова Христовой Церкви. По его настоянию был отменен новый стиль³³; введенный Патриархом Тихоном, он сыграл главную роль в неприеме Красницкого³⁴ в Патриарший синод, он провел проект реорганизации прихода, в котором указывал на необходимость введения в приходе благотворительности, даровых исполнений за счет всего прихода необходимых треб. Собор 1917 года слышал смелые речи епископа Николая (тогда протоиерея Добронравова) против патриаршества, в которых он указывал на то, что среди иерархов нет достойных Ермогену или Филиппу, могущих взять на себя тяготу правления Церковью в наше тревожное и страшное время. А когда он убедился в силе и святости почитаемого Патриарха, он особенно ярко поддерживал величие власти первого иерарха Русской Церкви.

Взыскательный епископ, отказывающийся служить с бритым диаконом, строгий аскет, молящийся целыми ночами, владыка Николай в отношениях людских необычайно был прост, внимателен и любвеобилен. Редко кто мог с таким внутренним тактом утешить, обласкать человека... И эту его внимательность особенно ценили люди, бывшие с ним в тюрьме и ссылке. Владыка Николай особенно любил детей. И странно было видеть его, такого обычно строгого, весело смеющимся и болтающим с крошкой четырех-шести лет. Когда я в первый раз приехал пригласить епископа Николая ко мне на служение 13 сентября в день храмового праздника, он был расстроен жалобой на него Патриарху прихожан церкви Трифона мученика. Жалоба заключалась в том, что владыка Николай покинул всенощную, когда вместо стихиры Рождества Богородицы певцы запели стихирею Рождества Христова и не послушались приказания прекратить рождественские стихиреи и петь то, что положено по уставу службы Рождества Богородицы. Владыка говорил мне: «Не могу же я из вежливости к их настоятелю и из любезности к прихожанам нарушать устав и этим оскорблять Господа и Пресвятую Богородицу. А они не понимают самых простых вещей и говорят, что устав зависит от приходского совета».

Преосвященный пригласил меня послужить с ним в церкви Е³⁵. на Садовой, и я вечером туда отправился ко всенощной. Толпа, разговаривая, наполняла храм, украшенный гирляндами желтых и красных цветов. Покашливали певчие и перешептывались с каким-то дьячком. В алтаре мирно беседовали десятка два барышень, их вывели перед началом богослужения. Затрезвонили. Владыка вошел необычайно торжественный; несмотря на малый свой рост, он сразу был видим всеми. Первый его возглас раздался повелительно, и хор, поющий «Достойно есть», и дьячок на левом клиросе застыли в благоговении. Застыла и толпа: Владыка сразу сумел поднять ее от мирской суеты на высоту молитвы. Только батюшки по-прежнему мирно беседовали о квартирах, здоровье жен и дороговизне масла. Владыка Николай сумел и их усмирить. Протоиереи благоговейно умолкли, и далее всенощная шла среди тишины и молитвы. Это усмирение суеты в храме особенно меня пленило, и я понял в часы служения значение подвига епископа Николая. Ему я был чрезвычайно благодарен, так как он сумел справиться с неисправимым диаконом моим, который пел, не смотря на запрещение мое, псалмы, и которого обещал владыка за это разжаловать в дьячки и этим навсегда прекратил непослушание в моем храме.

Я видел Голгофу епископа Николая. На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту Петру. Я отказался его назвать, и Тучков³⁶

³³ Обстоятельства, связанные с введением и отменой нового стиля, ярко описаны протоиереем Василием Виноградовым. См.: Проф. прот. В. Виноградов. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона. 1923-1925. Мюнхен, 1959, с. 22-32.

³⁴ Протоиерей Владимир Красницкий возглавлял «Живую церковь» (см. выше примеч. 11). В мае 1924 года покаялся перед Патриархом, но не прекратил своей антицерковной деятельности.

³⁵ Очевидно, Ермолая Священномученика.

³⁶ Е. А. Тучков — уполномоченный ГПУ по делам религии.

потребовал очной ставки моей с епископом Николаем. Помню серую мглу сумерек, лицо Казанского³⁷, хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас С, который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом. Епископ Николай вошел, взглянул на следователя, на меня и остановил внимательный взгляд свой на С. На Владыке была сероватая ряса и зимняя скуфья. Утомленные глаза были холодно строги. Встав со стула, С. разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон. Преосвященный Николай властно прервал его: «Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку». Чудо совершилось. С. спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать Владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса Владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова³⁸ и спасти его от ареста.

Когда рассеялись ужасы сидения в тюрьме, то мне удалось узнать подробности пребывания владыки Николая на Лубянке. Я с ужасом узнал об издевательствах над ним, о его сидении в подвале тюрьмы и о постоянных ночных допросах. И с тем большей благодарностью я склоняюсь перед величием его духа, благодаря которому удалось владыке спасти многих и сохранить многие тайны церковные. В московской тюрьме особенно ярко выявился его лик, строгий и правдивый, смелый лик человека, забывающего о себе и готового, к смерти за свою веру.

Много благодарен и я лично за свою судьбу. 26 декабря старого стиля 1925 года у меня было двадцать три допроса, всю ночь под 27 декабря я был почти под непрерывным допросом. Утомленный и нравственно и физически, я готов был сдать на требование следователей, я готов был наклеветать на себя и друзей. Часы прозвонили четыре часа утра, когда меня вызвали к Казанскому. У него в кабинете собрались все или почти все. У меня в памяти остался остро-белый свет электрической лампы, заспанный И. и Казанский, пьющий из склянки какао. Особенно ярко запомнился вид Казанского. С дергающейся губой, безусый, с глазами цвета спитого кофе, он казался старым мальчиком, злым и нечистым. Его допрос вертелся на одном месте, он обычно требовал выдать людей, непричастных к письму митрополиту Петру. Привели епископа Николая. «Я-требую, — сказал владыка, — чтобы вы оставили в покое Сидорова. Я его знаю как нервнобольного человека, а вам, — обратился он ко мне, — я запрещаю говорить что бы то ни было следователю, властью епископа». Меня увели в коридор, я слышал неистовую ругань Казанского. Вряд ли эти мои строки будут когда-либо прочтены многими, но если мои дети и близкие прочтут их, пусть они склонятся перед дивным ликом епископа Николая, некогда в застенках ГПУ избавившего меня от самого большого несчастья — от горя выдачи друзей врагам веры и Церкви.

Владыка Феодор

В первый раз я видел Владыку Феодора поздней осенью 1915 года в Сергиеве. Туманы закутывали белым облаком Успенский собор и митрополичьи покои. В Академии кончалась всенощная. Богомольцы, скользя по мокрому снегу, спешили к воротам. Я задержался у могилы Ивана Аксакова, ожидая моих спутников, когда ко мне подошел высокий монах в очках и бархатной скуфье и сказал:

— Вы не от Михаила Александровича Новоселова³⁹?

— Да, я знаком с ним.

³⁷ Следователь, ведший дело отца Сергия.

³⁸ С. П. Мансуров (1890-1929) -ученый, историк Церкви, в 1926 году принял священство. Сведения о нем и его «Очерки из истории Церкви» см.: Даниловский благовестник. 1991, Мсл; 1992, №1 (2); 2-3, ч. 1.

³⁹ М. А. Новоселов (1864—1938) — известный издатель «Религиозно-философской ' библиотеки» и церковный писатель. См. о нем предисловие Е. С. Полищука к книге: М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М, 1994.

— Я прошу вас, передайте это, пожалуйста, по адресу: дом десять, квартира семь, улица N-ская, только не смотрите, что в этом узле и конверте и не говорите, что это от меня.

— Владыка, как я рад, — услышал я голос Сергея Николаевича Дурылина, подходящего к нам. Он познакомил меня с епископом Феодором, который пригласил нас к чаю и накормил прекрасным ужином.

После посещения Владыки я исполнил его поручение. В доме номер десять жило несчастное семейство паралитика, были грязь и ужас голода. Я не знаю содержания узла, переланного владыкой несчастным, но когда передавал конверт, они раскрыли его и из него выпали двести рублей. С этого вечера я стал частым посетителем знаменитого тогда главы «реакционного» духовенства епископа Феодора, ректора Московской Духовной академии, и сделался пламенным почитателем его. Я не разделял многие его взгляды, но, созерцая подлинную его, скрытую от других, доброту, слушая его мудрые речи, проникнутые горячей любовью к божественным творениям, я познавал в его келье суть подлинного Православия. После 1917 года Владыка Феодор был уволен на покой в Данилов монастырь, где началась его слава, слава первого праведника, охраняющего церковь от мятежных мирских течений.

В 1918 году я был на богословских курсах, на которых преподавал епископ Феодор. Как-то я провожал владыку до храма Спасителя, где он должен был сесть на трамвай. Стояла жаркая весенняя погода. Лучи солнца горели на главах храма Христа Спасителя, и они казались раскаленными шарами, несущими зной на шумную суету Москвы. На пыльных тротуарах вереницы людей ждали хлеба и текла жизнь, где властвовал голод. Какой-то старик с убогими клочками седых волос, бритый, с выпуклыми остановившимися глазами следил жадно за выдаваемым хлебом. У владыки была булка, и он дал ему. Старик рванул хлеб и бросился целовать руку Преосвященного Феодора; владыка ее насильно отдернул, а тот склонился почти до земли перед ним. Старик смешался с очередью, а я спросил у владыки, знает ли он его. «Как же, это сумасшедший чиновник Петр Федорович Спицын, его я хорошо знаю. Он юродствует давно в Москве. Знаете, чтобы понять сущность Православия, надо его познавать не в книгах и ученых трудах, а в близком общении с людьми, забытыми, презираемыми миром, с юродивыми, странниками, сумасшедшими, даже с преступниками. Особенно это общение полезно пастырям. Узнав ближе отверженных миром людей, пастырь поймет, что, в сущности, эти люди гораздо ближе ко Христу, чем он, потому что грешники, сознавая свою боль и падение, любят Господа, прощающего их и их милующего. Православие — религия жалости и смирения, жалеть надо грешников и сознать свои грехи. А это чувство дается при соприкосновении с миром отверженных и убогих». Я вспомнил, слушая слова епископа Феодора, митрополита Московского Филарета, который также любил искать и находил людей, забытых жизнью; духовный облик владыки Феодора стал мне еще ближе. Я, кроме уважения к его уму и сердцу, почувствовал трепет его души, светлой, чистой, приобщенной к истокам веры православной.

Поразительно смирение владыки Феодора, этого властного администратора Московской Духовной академии, человека, влияющего на целый ряд иерархов нашего времени. В Даниловом монастыре на покое в тесной комнате живет архимандрит Симеон, некогда раненный революционером и лишенный действия рук и ног. Владыка Феодор каждый день посещал больного и исполнял малейшее его приказание. Во время посещения моего в 1921 году Москвы я по поручению друга владыки Феодора и духовного сына архимандрита Симеона В. В. Сладкопевцева сообщил им о его увлечении католичеством. Преосвященный Феодор очень взволновался моим сообщением. Он резко стал осуждать католиков и называл их папистами. Я до сих пор помню обстановку беседы с владыкой Феодором. Душная келья, насыщенная запахом герани, узкий диван, на котором лежал с покрытой головой архимандрит Симеон (у него бывали часто острые нервные мигрени). Владыка Феодор в

белом подряснике сидел на высоком кресле под маленьким окошком, из которого тянулся солнечный, луч полдня.

— Вы знаете, передайте от нас В. В., — сказал он, — что мы не одобряем его увлечения католичеством и считаем католиков еретиками.

Едва произнес эти слова Владыка, как с шумом сорвался занавес, разделяющий комнатушку наполовину, и появился маленький сморщенный человек, безусый, со строгими глазами, и крикнул Владыке:

— Не смей ругать чужие веры, берегись Бога, не высокоумничай!

— Ну, ну, успокойся. Признаюсь, я слишком уж горжусь, — благодушно откликнулся Преосвященный. — Вот видите, какой он строгий, — обратился Владыка ко мне, указывая на карлика. Карлик улыбнулся и поцеловал руку владыки Феодора, который, благословив его, вышел из кельи. Когда он ушел, архимандрит Симеон сказал мне:

— Вот учитеесь смирению у Владыки. Никогда не возразит слова, когда его укоряют и указывают на его ошибки.

Прошел год, разразились бури ересей над Русской Церковью. Авторитет владыки Феодора особенно возрос среди оставшихся верными Православию. Наиболее почитаемые иерархи России, либеральные профессора, бывшие враги епископа Феодора, интеллигенты, двинувшиеся к Церкви после разрушения революцией их чайний, простецы, видевшие в Церкви опору жизни, — все признали высокий авторитет епископа Феодора, все преклонились перед его стойкой верой и непоколебимым убеждением. В дни живоцерковья Данилов монастырь был светочем Православия, и к авторитету его настоятеля прислушивалась вся православная Русь.

В 1923 году я стал настоятелем Петропавловской церкви Сергиева, и тревоги прихода часто заставляли меня посещать владыку Феодора и советоваться с ним. Как-то, утешая меня, огорченного клеветой, Преосвященный Феодор рассказал мне о событиях, предшествовавших его увольнению из Московской Духовной академии. Эти события особенно ярко открывают внутреннюю сущность гонений на епископа Феодора, поднятых либеральной печатью и профессурой в 1917 году.

Вот рассказ его: «В Сергиеве чрезвычайно много бесноватых. Много их подводят к Святой Чаше. В академической церкви как-то раз, когда я служил литургию, я заметил, что кто-то упорно смотрит на меня злыми глазами. А когда причастники стали подходить к Чаше, среди них подошла девушка лет двадцати и я узнал глаза, устремленные на меня во время обедни. После службы она оставалась в храме и я подошел к ней и узнал, что она дочь сергиевского старожила. Придя домой и став на обычное правило, я не мог молиться. Внутренний голос повелевал мне спасти несчастную от духа зла, который, как я ясно убедился в церкви, был в ней. Убеждение мое зиждилось только на особом холодном и тусклом взгляде глаз у девушки. Вела же она себя в храме благопристойно. На другой день я посетил ее родителей и выяснил, что их дочь действительно больна, что она не может, молясь, читать Богородицу и на нее нападает тоска при Святом Причастии. Эти сведения убедили меня в том, что девушка бесноватая, и я стал усиленно о ней молиться и совершил над ней чин изгнания бесов. В день совершения этого чина с ней произошла разительная перемена по отношению ко мне. Раньше она относилась ко мне с полным доверием и любовью, а после молебна перестала совершенно бывать у меня и скрывалась в дальней комнате, когда я посещал дом ее родителей. Она, по слухам, собиралась покинуть Сергиев, а это, по моему мнению, могло ее погубить, так как ей особенно покровительствовал преподобный Сергий.

Как-то, проезжая вечером по Переяславке, я увидел ее, несущую чемодан и направляющуюся к вокзалу. Я велел остановить карету, слез и, приказав ей сесть со мною, отвез ее домой. По дороге она

спросила меня, отчего я не пустил ее на вокзал, и уверяла, будто я был у нее утром и уговаривал уезжать из Сергиева. Я тогда принял ее слова за бред явно больной. Но едва только переступил порог своей комнаты, как услышал глухой смех и голос: „Перехитрил я тебя, не борись со мною, а то я тебя выгоню отсюда“. Я понял, что это голос темного духа, и, окропив крещенской водой комнату, заставил его умолкнуть. Заснуть, однако, в эту ночь мне не пришлось. Я все время думал о несчастной девушке и начинал догадываться, что ее слова о том, что я был у них, не бред больного, а действие темной силы.

На другое утро я, вложив в панагию часть мощей преподобного Сергия, отправился к больной. Дверь в их квартиру была отворена, никто не встретил в прихожей, и я прошел прямо в комнату девушки.

Она сидела на постели, и против нее сидел мой двойник и убеждал ее немедленно покинуть Сергиев. Я, пораженный, остановился на пороге. Двойник обернулся ко мне и, указывая на меня девушке, сказал: „Этому не верь, это диавол“. — „Ты лжешь“, — сказал я и дотронулся до него панагией. Двойник мой тотчас исчез и больше не тревожил девушку, которая оправилась совершенно от душевной болезни, мучившей ее с семилетнего возраста.

А меня через два месяца выгнали из ректоров Академии и из Сергиева. Когда я переехал в Данилов, ночью я слышал голос: „Выгнал тебя из Сергиева, не спасай моих девушек“».

«Отчего, Владыка, — спросил я, — так много бесноватых в Сергиеве?» — «Я думаю, — отвечал он, — что в подвиге преподобного Сергия заключалась особая черта борьбы с бесом. В его житии, правда, нет указаний на способы борьбы с ним, но есть указание на то, что эта борьба велась долго и упорно. Преподобный избрал место для прославления Бога, населенное темной силой, и раньше чем построить монастырь, уничтожил демонов. Но ведь вы знаете свойства темных мест. Они становятся еще страшнее, еще темнее, когда колеблется сдерживающая их святыня».

Мы расстались. Вскоре после нашей беседы епископ Феодор был арестован⁴⁰, и больше его я не видел.

ПАТРИАРХ ТИХОН

В первый раз я представился Святейшему Патриарху Тихону в 1921 году, когда я привез ему бумаги от Киевского епархиального совета. Я в то время был заведующим в канцелярии религиозного культа Полиру при Киевском Губсобесе, и мне удалось достать себе командировку в Москву. В то время приехать в Москву было трудно, и моей командировкой воспользовались члены Киевской консистории. Управляющий Киевской епархией епископ Назарий поручил мне осветить перед Патриархом тревожное положение Киевской церкви, обуреваемой только что возникавшей ересью липковцев⁴¹. Святейший жил тогда на Троицком подворье. Он принял меня в большом, устланном красным бархатным ковром кабинете с креслами из орехового и красного дерева. На стенах висели в тяжелых золотых рамах аляповатые портреты митрополитов московских. В углу стоял киот с образом Спасителя в серебряной с бриллиантами ризе.

⁴⁰ Здесь, очевидно, имеется в виду арест 1924 года, за которым последовала ссылка. В 1923 году епископ Феодор (Поздеевский, 1876—1937) был возведен в сан архиепископа, но от управления епархией отказался. Расстрелян 23 октября 1937 года.

⁴¹ Ересь липковцев (липковщина) — движение за автокефалию Украинской церкви, возглавлявшееся киевским священником (впоследствии лжемитрополитом) Василием Липковским, приведшее к самосвятскому расколу на Украине. Липковский пользовался поддержкой большевиков, известен также враждебным отношением к священномученику митрополиту Владимиру.

Святейший был в полном патриаршем облачении, в белом куколе патриарха Филарета⁴², в лиловой бархатной рясе, напоминающей рясы иерархов XVII века. Я впервые вблизи рассмотрел его лицо с широкими расплывчатыми чертами. Необыкновенная доброта светилась в его умных карих глазах и печально-насмешливой улыбке. Когда Святейший выслушал мой доклад и прочел мною привезенные бумаги, он сказал: «Ну, бедный Киев, взбунтовались попы... Они привыкли жить без всякой ответственности, а теперь забирают все в руки. Забыли и о Боге и о своих клятвах, думают о легкомысленной славе среди шумящих полуверов. Впереди много будет соблазнов, но я твердо верю, что хотя два или три только останутся верных на Руси Святой Церкви, они победят соблазн и неверие. Уж больно много заступников небесных за Русь». Святейший обласкал меня и отпустил.

В этот мой приезд в Москву я заболел, и во время моей болезни Патриарх прислал мне разные сласти. Перед отъездом моим в Киев я виделся со Святейшим, когда он уезжал из церкви Николы Явленного после всенощной. На прощание Патриарх подарил мне фарфоровое яйцо (это было на третий день Пасхи) и посоветовал мне уходить из Полиру, так как предполагалось изъятие мощей из Киево-Печерской Лавры.

Я часто видел служение Патриарха, но особенно запомнилось мне служение его в Неделю Православия в 1918 году, когда он совершал чин анафематствования. Переполненный храм Христа Спасителя, длинные ряды пурпурных бархатных скамей. На них в мантиях и омофорах сидят около ста архиереев. Перед красной патриаршей кафедрой стоял аналой с образом Нерукотворенного Спаса. На кафедре в высоких креслах сидит Патриарх и десять митрополитов в полных облачениях. Архимандриты и священники в золотых тяжелых ризах несколькими рядами стояли сзади скамей. За Патриархом и митрополитами стояла толпа диаконов и архиерейских служек. Лицом к Патриарху на амвоне архиерей Розов⁴³ читал Символ веры. Читал он его перед высоким аналоем, обитым черным бархатом с серебром. Образы древних еретиков Ария, Нестория, Македония, бурные речи первых лет христианства, давно замолкшие слова вселенских соборов вставали из глубин веков и тревожили душу. Когда архиерей провозглашал изменникам Христа анафему, поднимались со скамей архиереи и стучали жезлами. И громадный стройный хор подхватывал грозные слова, и гнев Церкви царил над придавленной, затихнувшей толпой.

Лучи весеннего солнца зажигали парчу, бархат и золото риз радостным блеском и заставляли бледно мигать тусклые свечи. Когда архиерей, перечисляя убийц иерархов, грабителей и насильников Церкви, провозгласил им анафему, тысячная толпа повторила страшные слова, и точно гром пронесся по храму и замер в повторных гулах недостижимой выси куполов. А потом стал читать архиерей списки почивших трудников Церкви, иерархов и благочестивых царей, потрудившихся к ее славе, и провозгласил им вечную память. Чин анафемы закончился торжествующим многолетием всем патриархам Церкви Вселенской и всем православным христианам. После Патриарха, коленопреклоненный, читал молитву о милости Божией ко всем изгнавшим себя из Церкви, к тем, кто в жизни погряз заветы Христа. И слова молитвы изъясняли скорбь Церкви об отверженных и ее благую надежду на прощение всех Божией милостью. Изъясняли они и смысл Торжества Православия, смысл анафематствования, указывая на то, что анафема — это отделение Церкви от неправо учащих о Боге и ее моление о тех, кто в жизни исповедовал Христа и следовал Его заветам.

Я помню взгляд Святейшего, когда он читал молитву: скорбь бескрайняя в нем горела. И мне казалось, что, умоляя о еретиках, Святейший молился с горькой любовью о тех сынах родины моей, которые бросили имя Христово на поругание темному миру.

⁴² Патриарх Филарет (1619-1633) — родной отец и соправитель царя Михаила Феодоровича Романова.

⁴³ Отец Константин Розов (1874—1923) — главный протоиерей Москвы, служил в Успенском соборе. Обладал выдающимся музыкальным талантом, пользовался любовью и уважением церковного народа. В 1921 году он был удостоен сана «Великий архиерей».

Стояла лиловая поздняя осень, когда деревья потеряли свои праздничные золотые листья, и кладбище Донского монастыря было пустынно. Обычная сырость тропинок, знакомые холмики могил впитывали в себя морозящие капли дождя. У одной из могил Святейший служил панихиду. Он был в священнической ризе, служил с одним диаконом и внимательно читал синодик. Взгляд его был такой же скорбный, как при анафематствовании в 1918 году. Я наблюдал незамеченный за его служением, и мне казалось, что я вижу обреченного, знающего о гибели своей человека, просящего Бога о том, чтобы скорее окончилась пытка жизни и чтобы успокоился он в ином мире света, любви и тишины. Когда Святейший окончил панихиду, я взглянул на могилу, у которой он ее совершал. Это была могила юродивого епископа Антония (Флоренсова)⁴⁴.

В бытность мою настоятелем Петропавловской Воскресенской церкви Сергиева я часто бывал у Святейшего и пользовался его любовью. Бывал я большей частью по делам прихода, который я пытался преобразовать по новому укладу современной тревожной церковной жизни, что мне удавалось с большим трудом. Эти мои посещения Патриарха не оставили у меня ярких воспоминаний, все они были сходны друг с другом. И только одну встречу с ним особенно сохранила моя память.

Летом 1924 года Сергиевские православные были встревожены газетными вестями о присоединении Красницкого к Православию и тем, что он будто бы назначен в образовавшийся Патриарший синод. Покойный старец Алексей, архимандрит Кронид, наместник Лавры, игумен Израиль, а также видные светские церковные деятели, как П. Б. Мансуров, П. В. Истомина, проживавшие тогда в Сергиеве, просили меня организовать протест со стороны православных мирян Сергиева назначению Красницкого в Синод. Это я и сделал, предложив избрать от моего прихода делегацию к Святейшему с просьбой не принимать Красницкого в лоно Церкви. К моему приходу присоединились приходы иных церквей Сергиева, и мне было поручено передать Святейшему общее ходатайство от мирян Сергиева о непринятии Красницкого в Православие. Святейший был осведомлен о протесте Сергиева и весьма его одобрял. Его одобрение мне передал иподиакон Викентий, и я ехал к Патриарху с легким сердцем вместе с кузнецом Н., моим прихожанином, посланным к Патриарху от моего прихода.

В Москве нас ожидали неудачи. Святейший был в отсутствии, он уехал на Ваганьковское кладбище служить заупокойную литургию о Розове, так как исполнилась годовщина его смерти, и мне объявили, что у Патриарха приема не будет. Несмотря на это, мы решили ждать приема Святейшего и расположились на паперти одной из церквей Донского монастыря, где тогда была Епархиальная консистория и где собралось много народа. День был жаркий. У памятников могильных и на ступенях храма сидели православные люди, съехавшиеся с разных сторон России и толкующие о современных церковных соблазнах, о расколах. Слышались речи о великих праведниках Кавказа, о еретиках-липковцах, тревожащих Украинскую церковь, о знамениях близкого антихриста, о таинственных звонах в глухих омутках озер тайги и блеске обновленных икон на стенах Почаева и Киевской Лавры. Среди ожидавших патриаршего приезда меня особенно поразил священник с худым, острым и умным лицом, который оказался одним из близких друзей Святейшего, протоиереем Глаголевым, профессором Лицея. Еще был монах плясовец, пришедший с Кавказа. Он рассказывал о смущении тамошней церкви, о том, что афонский архимандрит Давид⁴⁵, один из видных деятелей плясовцев⁴⁶, называет Святейшего Патриарха «проклятым» и считает всю нашу Церковь «Вавилонской блудницей».

⁴⁴ Антоний (Флоренсов, 1847-1918), епископ Вологодский, жил в Донском монастыре с 1898 года. Почитался народом еще при жизни как праведник и старец.

⁴⁵ Архимандрит Давид был настоятелем Свято-Андреевского скита на Афоне.

⁴⁶ Плясовцы — здесь секта, образованная в России выселенными из русского Пантелеймонова монастыря и скитов на Афоне в 1913 году монахами-«имебожниками», в которую были вовлечены и многие миряне.

Жар спалал. Первые свежие струи воздуха освежали духоту и зной. Трезвон возвестил прибытие Святейшего. Мы побежали к воротам у его домика и застали Патриарха, благодушно выходявшего из экипажа с букетом роз и левкоев в руках. Он благословил народ. Потом крикнул бритому протоиереев В. Д. Прокимнову⁴⁷: «Успешно ты сегодня служил!». И, добродушно улыбаясь, сказал всем: «Приходите завтра, я сегодня переутомился и переломился и погнулся от трудов». Но, увидев протоиерея Глаголева, сказал ему и мне с моим спутником идти за собою. Я передал Святейшему поручение православных жителей Сергиева. Патриарх встал, обнял меня и сказал: «Молодец ты, всегда мне говори смело твои мысли, а Сергиеву передай, что газеты врут, и подпись моя была украдена у меня кем-то во время заседания, и ее прилепили к документу, мною отвергнутому. Передай всем мои слова и вот эту бумагу». Святейший дал мне напечатанное на машинке за его подписью опровержение известия об организации Синода и протест о Красницком.

Когда мой спутник удалился, я попросил Святейшего разрешить мое недоумение о том, как мне поступить со Святыми Дарами, оставшимися после моего предшественника, который их заготовил, будучи красным. Святейший приказал мне их потребить за первой же литургией и сказал:

— Митрополит А. считает Дары красных не Дарами⁴⁸. Я же думаю, что, хотя красные и еретики и служат и причащаются в суд себе и в осуждение, надо все же бояться осуждать их Евхаристические Тайны.

— Предоставьте о сем деле судить Господу.

При прощании Святейший спросил меня, когда я буду в Киеве, и, узнав, что я буду скоро, просил меня передать киевскому духовенству просьбу, чтобы оно держало себя крепко и не поддавалось течению отделения от Русской Церкви. Тогда же я спросил Патриарха, правда ли, что он разрешил совершать Евхаристию в дни голода и отсутствия вина. На что Святейший ответил:

— К сожалению, я сделал эту ошибку. Теперь ею злоупотребляют многие архиереи и священники. Надеюсь, ты на соках не служишь?

— Нет, не служу и тогда, слава Богу, не служил, — ответил я.

— Это очень хорошо, — сказал Святейший. — Теперь я строго запретил совершение таинств на соках и взыскиваю с тех, кто донныне совершает на вишневке литургию.

Близкое соприкосновение мое с Сергиевским духовенством заставило меня серьезно задуматься над возможной конфискацией некоторых храмов Сергиева, особенно после того, как я узнал, что некоторые священники имели тайное общение со Стружинским, красным епископом. Поэтому у меня родилась мысль пригласить в Сергиев Святейшего и его приездом укрепить там православных и заставить раз навсегда порвать колеблющихся пастырей с красной ересью. Я полагал, что движение верующих, возбужденное пребыванием Патриарха, испугает всех, задумывающихся о возврате в Сергиев красной церкви, и навсегда прекратит поползновение епископа Стружинского учредить себе базу в Сергиеве. Для этого я собрал из числа наиболее достойных и почетных членов Петропавловского совета депутацию к Святейшему, которая должна была поднести ему хлеб-соль на замечательном резном блюде, а также панагию резную и просить его пожаловать к нам в день, им назначенный, для богослужения.

Я помню солнечную площадку у северной башни Донского монастыря, где мы ожидали приема Патриарха. Это площадка историческая, по ней гулял Святейший в дни своего заключения. Кого только не было на этой площадке! Среди ожидающих приема Патриарха были и люди, просящие

⁴⁷ Протоиерей В. Д. Прокимнов в дальнейшем служил в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. (Примеч. В. С. Бобринской.)

⁴⁸ В это время (летом 1924 года) в России было два митрополита А. — Агафангел (Преображенский, 1854-1928), Ярославский и Ростовский, и Арсений (Стадницкий, 1862-1936), Новгородский и Старорусский, затем Ташкентский.

милостыню, и архиереи, и профессора, и монахини с подношением разных вышивок, и прочие. Здесь, мрачно сторонясь всех, стоял Красницкий. Здесь беседовал Иван Васильевич Попов⁴⁹, рассказывая дело ереси живоцерковцев провинциальным священникам. Здесь были рабочие и аристократы, церковные деятели и крестьянки. От площадки вела дверь в крошечную приемную, в которой была дверь на крутую лестницу входа в приемную дежурного архиерея, также весьма малопоместительную комнатку, и в кабинет Патриарха, который поражал скромностью и строгостью обстановки. Там был диван, обитый зеленым бархатом, круглый стол, зеркало в золотой раме, да несколько венских стульев, на которые садились посетители.

Святейший принял нас милостиво. Он выслушал напористую речь, произнесенную А. П. Лонгиновым, и поблагодарил его за добрые слова, благодарил и депутацию за хлеб-соль и панагию и обещал служить в нашей церкви на осеннего Сергия, 25 сентября. В конце своего слова Святейший сказал: «Я ценю вашу доброту и любовь ко мне и твердо верю — если будет любовь к архипастырям и пастырям, то Русская Церковь будет незыблема. Но если это доверие поколеблется, мы нашу родную Церковь возведем на Голгофу». Но когда Святейший отпустил моих прихожан и удержал меня, он не похвалил мой порыв к укреплению Православия в Сергиеве: «Молод ты, берегись, съедят тебя. Ты помни мое слово: с черными и с белыми ладить старайся. Худой мир лучше доброй ссоры. И Господь велит в каждом человеке искать прежде всего хорошее и бояться его обидеть. А ты, я вижу, не сказал благочинному о том, что меня приглашают, и этим обидишь старика. Зачем обижать его, не надо...» Но, видя мое огорчение, вызванное его словами, Святейший меня обнял и подарил мне просфору, велев ее передать моим детям.

С этого дня началась тревожная подготовка к встрече Святейшего в Сергиеве. Патриарх оказался прав. На меня весьма обиделся благочинный⁵⁰, не успевший пригласить Святейшего раньше к себе в храм Рождества и пригласивший его служить туда на 26 сентября. Святейший передал распоряжение о том, чтобы при его встрече весь город звонил, и объявил, что он прямо с вокзала проедет в Петропавловскую церковь. Старосте моему удалось раздобыть разрешение местного ГПУ на проезд Патриарха в Сергиев. Удалось найти для Святейшего прекрасную квартиру Сергея Николаевича Булгакова, недалеко от Петропавловского храма. Была пожертвована приличная сумма денег для приема Святейшего. Вовремя озаботились приглашением епископов, но забыли пригласить протодиакона Михайлова, на которого указал нам Святейший в первый наш прием⁵¹. Святейший этим остался чрезвычайно недоволен, на что и указал мне при моем с ним свидании, 19 сентября. Он тогда же дал мне список лиц, которые должны мы были пригласить для богослужения с ним и, прощаясь со мною, сказал: «Береги себя. Я очень боюсь, что из-за моего приезда тебя заберут. Ты знаешь, если тебя арестуют, мне очень будет тяжело. Никто не знает, кроме Бога, как тяжело знать, что из-за меня страдают люди по тюрьмам и высылкам».

Я тогда, помню, уверил Святейшего, что мне не грозит арест в связи с его приездом в Сергиев. Но, увы, предчувствие Святейшего не обмануло, и я был арестован за два дня до посещения им Петропавловского храма, 23 сентября⁵². Больше я не видел Святейшего. Во время моего тюремного сидения он прислал мне торт. А когда я вышел и был прикреплен к Сергиеву без права выезда, Святейший передал мне свою благодарность за прекрасный прием его в моем приходе. К сожалению, пребывание в Сергиеве Патриарха несколько омрачилось бестактным поведением церковного совета Рождественской церкви, пригласившего диакона без благословения Святейшего, и это огорчило Патриарха.

⁴⁹ Профессор Московской Духовной академии, впоследствии участник совещания архиереев в Соловецком лагере 7 июня 1926 года. См.: Прот. В. Цыпин. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. М., 1994, с. 81.

⁵⁰ Благочинным в то время был настоятель церкви Рождества Богородицы отец Александр Константиновский.

⁵¹ Вместо протодиакона М. Д. Михайлова с патриархом в Сергиеве служил Прокимнов.

⁵² Дата указана по старому стилю. Отец Сергей находился в Бутырской тюрьме с 5 октября по 30 ноября 1924 года.

Похороны Патриарха

Я ехал по ночной Москве. Первый ветер ранней весны колебал бледный свет фонарей, цоканье подков будило тишину. До Каменного моста людей не было. Будто погруженные в сон, проплыли мимо меня соборы Кремля, громада храма Спасителя, знакомые башни, высокие дома, темнеющие деревья Александровского сада... Я ехал на погребение Святейшего. Весть о его смерти неожиданно заставила меня нарушить мой сергиевский затвор, ГПУ любезно разрешило мне в качестве делегата от духовенства Сергиева поехать в Москву на погребение Патриарха, и я, не окончив Вербную всенощную, с последним вечерним поездом отправился на похороны.

После Каменного моста стали попадаться группы людей, идущих к Донскому. Чем ближе к монастырю, тем эти группы все разрастались, и по громадной Донской улице уже непрерывно двигалась толпа. Здесь вереницы экипажей и автомобилей медленно двигались среди молчаливого людского потока. Я воспользовался тем, что передо мною шла депутация католического духовенства, и без труда проник в древний и торжественный Донской собор. Казалось, совершалось вечное торжество Церкви. В свете бесчисленных свечей на высоком пьедестале посреди собора стоял утопающий в венках и цветах гроб. У него двенадцать иподиаконов-юношей держали свечи. Царские врата были отворены, и на престоле сияли свечи. Толпа непрерывной лентой огибала гроб, кланялись и исчезали в темноте дверей, чтобы дать место новому людскому молчаливо-торжественному морю. У гроба непрерывно служились панихиды, и скорбно пели все молящиеся заупокойные песнопения.

Я был горько поражен смертью Патриарха. Я не только жалел о Святейшем как о человеке и деятеле Церкви, но ясно сознавал те невзгоды, которые готовились верующим с его уходом в иной мир. Но, глядя на его последнее торжество, я ощутил трепетную радость прославления его как святого. Святые познаются по их кончине, и великая любовь к покойному Патриарху, которая охватила всех православных, как бы вскрыла тайны неба и указала им на светлый путь покойного святителя Церкви. Меня тотчас, когда я окончил панихиду, распорядитель попросил сказать слово и убедить народ временно покинуть храм, так как необходима была уборка его перед обедней. Мне без труда удалось это исполнить, и я по распоряжению ответственного за порядок при погребении, тогда еще православного епископа Можайского Бориса⁵³, стал читать последнее Евангелие над телом Патриарха.

С семи часов утра стали прибывать владыки и лица, которые имели билеты на литургию. Снова начались бесконечные панихиды, последнюю перед литургией служил митрополит Сергей Нижегородский⁵⁴. Перед самой литургией меня едва не вывели из собора, так как мое имя не было занесено в списки должствующих присутствовать за литургией. Только благодаря вмешательству преосвященного архиепископа В. я остался в соборе и был назначен стоять у гроба Святейшего. Вход посторонним в собор был прекращен, в десять часов началась литургия, которую совершали пять митрополитов и восемь архиереев (митрополиты были: Петр, местоблюститель патриаршего престола⁵⁵, Тихон Уральский⁵⁶, Сергей Нижегородский, Серафим Чичагов⁵⁷ и Серафим Тверской⁵⁸). Среди совершавших литургию архиереев и протоиереев мною замечены были протоиерей

⁵³ Епископ Можайский Борис (Рукин) в конце 1925 года стал одним из организаторов григорианского раскола. В 1926 году запрещен в служении митрополитом Сергием. Умер в 1931 году вне общения с Православной Церковью.

⁵⁴ Сергей (Страгородский, 1867-1944), впоследствии Заместитель Патриаршего Местоблюстителя (1925-1937), Патриарший Местоблюститель (1937-1943) и Патриарх (1943-1944). В 1924—1934 годах был архиепископом Нижегородским и Арзамасским.

⁵⁵ Святитель Петр (Полянский, 1862-1937), митрополит Крутицкий, священномученик. См. о нем очерк иеромонаха Дамаскина (Орловского) в его книге: Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 2. Тверь, 1996, с. 341-369.

⁵⁶ Тихон (Оболенский, 1856-1926) - с 1908 года епископ, с 1924-го - митрополит Уральский.

⁵⁷ Серафим (Чичагов, 1856-1937), священномученик, в то время митрополит Варшавский, позднее Ленинградский. Очерки о нем архим. Георгия (Тертышников) и В. В. Черной-Чичаговой см. в книге: Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. Ч. 1-2. М.- СПб., 1993.

⁵⁸ Серафим (Александров, 1867-1937), епископ, затем митрополит Тверской с 1922 по 1928 год.

Станиславский, все архиереи московские, протоиерей Зырянов, все московские благочинные. От Сергиевской Лавры был игумен Михей. Старшим протодиаконем был Михайлов. Пел хор, более ста человек, Чеснокова и Данилина при солистах Неждановой и Бакланове⁵⁹. Собор наполнился членами иностранных миссий и различными представителями приходских советов, представителями инославного духовенства. В храме было много монашествующих. Богослужение отличалось следующими особенностями. Первоприсутствующего митрополита Петра встретили у боковой двери два митрофорных протоиерея. Перед литургией протоиерей провозгласил, обращаясь к гробу Святейшего: «Благослови, Святейший Владыко!», а старший архиерей на литургии возгласил: «Его же молитвами благословенно Царствие Небесное». Во время Херувимской митрополиты омыли руки Святейшего. Хор пел очень хорошо и стройно. У гроба стояли вазы с олеандрами, возложенными Английской миссией от имени архиепископа Кентерберийского. На гробе были белые цветы от католиков, желтые розы от протестантов, пионы от армян и старообрядцев, красные розы венков от рабочих и Лавры, от Франции и Германии.

Богослужение шло чинно и благоговейно, но толпа ждала необычайного. Все ждали, что должно совершиться чудо. То некоторые передавали, когда видели митрополитов, идущих омывть руки Святейшему, что приехал Папа Римский и его идут встречать митрополиты. То говорили, что в храм приехал Калинин и будет читать над гробом Патриарха декрет от всех насилий. Ждали чуда, победы Православия, и это чудо совершилось. После Херувимской ко мне подошел пожилой рабочий и попросил от имени московских и серпуховских рабочих разрешения поклониться праху Святейшего. Я тотчас передал просьбу рабочих Е. Г., и он послал меня звать их.

Когда я вышел на паперть храма, я увидел переполненное Донское кладбище. Народ стоял у могил и на могилах, народ заполнял все тропинки и дорожки, народ виднелся далеко у ворот и волнами колыхался на громадной Донской площади. Среди народа епископы и пресвитеры служили панихиды о Патриархе, и слова заупокойных молитв сливались с золотом весенних лучей и яркой лазурью ясного неба. И когда вереницей двинулись делегации рабочих поклониться в последний раз Святейшему Патриарху, раздались траурные гудки заводов. Эти траурные призывы тех, именем которых расколота Церковь, всколыхнули православных. И в этот чудесный час познали русские люди, что вся Русь хоронит своего Патриарха.

Перед «Отче наш» я отправился в церковь, где ныне погребен Святейший⁶⁰, звать на отпевание собравшееся там московское и окружное духовенство. Серебряной лентой подошли священники и заняли места по правую и левую сторону гроба. Я, вместе с остальным духовенством, вошел сперва в алтарь, где толпились епископы и протоиереи, а затем мне случайно удалось стать сзади самого гроба. В это время иподиакон Викентий, по просьбе какого-то старика протоиерея, снял покров, закрывающий лицо Святейшего, и я увидел его измененный смертью и страданиями лик.

Во время запричастного бесцветную длинную проповедь сказал Н. Перед отпеванием очень тихо говорил митрополит Петр. Он говорил о той Голгофе церковной власти, на которую взошел Патриарх, и о том искусе ненависти народной, беспричинной и бессмысленной, которая надвинулась на него. Отпевание совершили шестьдесят три владыки, около двухсот митрофорных протоиереев и около четырехсот священников; диаконов было значительно меньше. Торжественность богослужения постоянно нарушали подношения цветов, лежавших грудами на столе перед гробом. Протоиереи Сахаров и Сиверцев руководили уставом отпевания и посылно путали службу; в трудные минуты выручал их протоиерей Воробьев.

⁵⁹ П. Г. Чесноков - церковный композитор, регент храма Космы и Дамиана в Столешниковом переулке; Н. М. Данилин - регент Синодального хора; А. В. Нежданова и Г.А.Бакланов - солисты Большого театра

⁶⁰ Малый собор Донского монастыря.

Прекрасное слово сказал перед «Со святыми упокой» протоиерей Страхов. В нем он говорил о подвиге Святейшего Патриарха, о том, что, когда Святейшего посвящали в первый чин чтеца, он прочел слова Господа: «Симоне, сыне Ионин, любиши ли Мя?» (Иоан. 21:15-17) и эти слова были основным знаменем всей жизни Патриарха. «Было время, — говорил он, — когда с этими словами любви обратился Святейший ко всей Руси. Это было в дни живоцерковной ереси. Это было в то время, когда имя Святейшего было равно имени Православия и когда возгласение его имени в храмах означало, что эти храмы остались верны заветам Святой Церкви. А помните вы те часы, когда вы шли сюда, в Донской монастырь, просить прощения в вашем малодушии и в вашем грехе, в трепете гнева и кары, и вас встречали объятия отца? И вы плакали, и вы каялись в эти для вас страшные часы. А потом спешили отсюда, ободренные любовью Патриарха Тихона. И вот теперь снова мы слышим слова от почившего: „Любите“. И мы говорим ему: „Любим“. Сюда сказать об этой любви собрались все верующие, вся Москва, да что вся Москва — вся Россия. И у всех в эти часы тревог и печалей одна к тебе просьба, просьба к твоей любви. Там, у Престола Божия, где ты предстанешь ныне, помолися Творцу: „Упование на Тя надеющихся, сохрани, Господи, Церковь“». И все присутствующие повторили слова молитвы о Церкви.

В открытые двери виднелась толпа, все более наполняющая Донской. Ясна была связь Святейшего с Православием, виден его подвиг держания истины веры в часы бурь и смятений Русской Церкви. Перед окончанием отпевания епископ Борис предложил в полном порядке выстраиваться священникам по четыре в ряд, а архиереям и митрополитам попарно. Началась обычная суета прощания. Я помню скорбное лицо архиепископа Н. и убитые застывшие глаза митрополита Петра.

Было семь часов вечера. Раздался удар Донского колокола, возвестивший о выносе тела Святейшего Патриарха, ему ответили все московские церкви. Светились кресты, запрестольные образа от последних лучей солнца, которые сливались со встречными звездами, зажглись немигающим пламенем тысячи восковых свечей. Была тишина. Толпа застыла, словно слитая одной молитвой в один огненный жертвенный вихрь... И только шум, когда бросили с аэроплана цветы, да звон Москвы, да пение стихир «Волною морскою»... А над тишиной подъятый, высоко несомый епископами, двигался гроб вокруг кладбища, и слышалось бряцание кадил, и острой струйкой уносился навстречу вечеру ладан. И в эти мгновения трепетно видима была та любовь, что творит великое чудо вечности в мире, и новый предстатель за Русь возводился ею на престол небесных святых иерархов⁶¹.

ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ

Я не имел счастья быть в Зосимовой пустыни в дни ее расцвета, я не знал дивных ее служений и не имел общения с ее старцами в мирное время. Господь судил мне встретить эту обитель в рассеянии⁶², в бытность мою в Сергееве. В дни моего избрания настоятелем Петропавловской церкви Сергиева я захворал. Жил я тогда у Мансуровых и весьма был стеснен своей болезнью, тем более что боялся заразить ею моих внимательных хозяев. У меня была сильная инфлюэнца. Как-то в сильном жару видел я сон. Мне представилась неведомая мне церковь в честь угодника Божия Николая. Служит молебен высокий иеромонах со строгим благостным лицом в сослужении со старцем, оптинским иеромонахом Анатолием и с отцом Алексеем Мечёвым. Иеромонах поминает о здравии семью Мансуровых, а отец Алексей, увидев меня, попросил его помянуть и мое имя с близкими моими. «Кто это отец Сергей?» — спросил иеромонах отца Алексея. «Это новый батюшка Петропавловской

⁶¹ Известные описания похорон Патриарха очевидцами и отклики современников приводятся в книге: Акты Святейшего Патриарха Тихона... 1917-1943. Составитель М. Е. Губонин. М., 1994, с. 364-398.

⁶² Смоленская Зосимова пустынь (в Александровском уезде Владимирской губернии) была закрыта в мае 1923 г.

церкви», — отвечал тот. Иеромонах помянул меня и с улыбкой обернулся ко мне. Когда я увидел его лицо, то ясно почувствовал, что вижу перед собою покойного игумена Зосимовой пустыни Германа — великого старца наших дней, и проснулся совершенно здоровым. Таково мое первое общение со старцами Зосимовой пустыни.

Из живых старцев ее я близко знал отца Алексея, иеросхимонаха, отца Дионисия и отца Досифея.

Схиеромонах Дионисий

Первым я встретил отца Дионисия у Веры Тимофеевны Верховцевой⁶³. В то время у меня было на душе очень грустно и тревожно. Меня тяготил грех, смытый полузабвением, грех, который иногда казался мне мною совершенным, а иногда представлялся выдуманным моей мнительностью. Это состояние очень болезненно отзывалось на совершении мною треб и на моей молитвенной настроенности. Я случайно зашел к Вере Тимофеевне вечером после всенощной предупредить ее о времени панихиды у ней на дому и в кухне столкнулся с высоким, светлым, сияющим монахом. Его глаза выражали любовь беспредельную, длинная борода, вьющиеся слегка волосы — все было необычайно благообразно, величаво.

— Вы пришли у меня исповедоваться? — спросил он.

— Да, — отвечал я, хотя не знал вопрошавшего и не имел намерения ни у кого в тот день исповедоваться.

— Я иеромонах Дионисий, — продолжал говорить монах, — пойдете к окну, там светло.

Я подошел к окну, у которого иеромонах Дионисий опустился на колени и стал читать молитвы перед исповедью. Когда я сказал ему мой грех, он посоветовал всегда исповедовать надуманный грех и сказал, что всякий помысл, рисующий греховный проступок, есть грех, так как душа пережила его и болеет им, хотя, быть может, этот грех и не был совершен в обычной жизни. Его исповедь оставила у меня глубокое впечатление. Как батюшка отец Анатолий Оптинский, он умел открывать тайные грехи и заставлял называть те греховные навыки, о которых образовалась привычка мыслить как о ничтожных ежедневных проступках. К сожалению, после этой моей исповеди я не имел больше близкого общения с отцом Дионисием. В тот же день он уезжал в Москву, а когда по приезде в Сергиев он вызвал меня к себе, я не мог много и подробно беседовать с ним, так как он был окружен толпой его почитательниц, не разлучавшихся с ним до момента его отъезда.

Старец Досифей

Старца Досифея я встретил в Аносиной пустыни⁶⁴, куда ездил отдыхать и говеть на второй неделе поста⁶⁵ 1924 года. Я ездил туда вместе с А. И. Р. и провел там пять дней, присутствуя на прекрасных церковных службах, бывая по вечерам у Преосвященного Варфоломея⁶⁶, там тогда гостившего, и наслаждаясь тихим лесом и зеленым полем, облегающими обитель. Мне все чрезвычайно нравилось в пустыни, но на меня строгие, погруженные в тревоги грядущих бед церковных игуменья и мать София, истинно верующая и глубоко проникнутая радостью подвига

⁶³ . Т. Верховцева была духовной дочерью отца Иоанна Кронштадтского, автор интересных воспоминаний о нем. См.: Московский журнал. 1993, №11, с. 4-12.

⁶⁴ Аносина Борисоглебская пустынь находилась в Звенигородском уезде Московской губернии.

⁶⁵ Очевидно, это был летний Петров пост.

⁶⁶ Варфоломей (Ремов, 1888-1936) был в это время епископом Сергиевскими, викарием Московской епархии.

иноческого казначея обители, произвели более сильное впечатление, чем батюшка отец Досифей, хотя в первый мой приезд он предсказал мне и А. И. Р. грядущие беды в Петропавловском приходе.

Я помню светлую келью и батюшку, благодушно улыбающегося и починяющего сапог, который все вырывался у него из рук и падал. А. И. ходил взад и вперед по комнате, напевая какую-то церковную песнь, а я рассказывал батюшке о своих затруднениях с церковным советом, старостой и диаконами. Вот что сказал отец Досифей, когда я окончил свои сетования: «Возьми к себе вторым священником А. И., ему все равно не миновать Петропавловской церкви, и вам обоим достанется в этом приходе на орехи». Я тогда не придавал значения его словам и не взял к себе отца А., а только впоследствии, когда я и отец А. были высланы из Сергиева, подивился предвидению отца Досифея.

Второй раз я был в Аносиной пустыни летом 1926 года. Я тогда провел два дня у Сергея Павловича Мансурова, жившего в деревне, прилегающей к женскому монастырю, и посетил отца Досифея, бывшего духовником сестер монастыря Аносиной пустыни. Был поздний вечер. В душном воздухе чувалось приближение грозы. Таинственный парк, прилегающий к обители, казался застывшим. В надвигающейся темно-лиловой туче огни бледные дрожали и гасли. У тинистого пруда возле огорода матушки Антонии издали слышалось пение монашенок и приближалась красная точка фонаря, несомого перед иконой Покрова Божией Матери, которую каждый вечер обносили вокруг пустыни. Отец Досифей, провожавший меня и благодушно рассказывающий мне о житейских ежедневных заботах, вдруг остановился и сказал: «Смотрите, Владычицу носят, все удержать хотят монастырь, и ничего не выйдет. Богу угодно лишить нас этой радости». Возле нас зажегся голубой огонек. «Душа это нераскаянная или дух земли, кто их знает», — указав на него, произнес батюшка и перекрестился. Я простился с ним и поспешно ушел в темную грозовую даль.

Об отце Досифее я разузнал от благодушного и глубоко верующего пастыря, бывшего губернатора, отца протоиерея Ровинского⁶⁷, ныне одного из самых светлых и добрых священников Москвы. Отец Ровинский рассказывал о своих встречах в Привислинском приходе с иезуитами и хвалил их набожность и преданность церкви. «Да, — сказал отец Досифей, — вот чего нет у людей русских — это набожности. Они верят Богу и все у Него только просят. Они думают, что Бог для того и есть на свете, чтобы их дела устраивать, а Богу дать что-нибудь и пожертвовать Богу свою душу, исправить ради Бога свои грехи, это не любят они. Вот и теперь, смотрите, как Господь их вразумляет: сколько обителей закрыто и сколько еще закроют, придет время, и церкви будут ломать... А все же без покаяния, без исправления наших грехов не умилостивим Господа, всей святости на Руси лишимся».

Сеял мелкий дождь... Отец Досифей в рваных рукавицах, с седыми прядями волос, с черными глубокими глазами, казался пророком грядущей кары Божией, грядущей великой беды. Мне в часы его прозрения казалось, что он по-житейски мыслит, что его тягостные думы и предчувствия развеются, как растают мелкие капли дождя под ударом лучей солнца... Но теперь, когда закрыты приходские храмы и пустынь и все ближе серость и подлость безбожной Руси, мне вспоминается отец Досифей как один из самых мудрых созерцателей сложных судеб нашей родины.

Старец отец Алексей

Сущность учения Зосимовой пустыни, ее духовный мир я узнал при знакомстве моем с знаменитым отцом Алексием⁶⁸. Обычно среди православных существует мнение, что Зосимова пустынь в противоположность Оптиной пустыни, где чувствуется руководство беспредельной любви, ставит в принцип ведение своих духовных чад ко Христу через суровую уставную законность. Я не

⁶⁷ Недавно изданы его воспоминания: Прот. Константин Ровинский. Беседы старого священника. М, 1995.

⁶⁸ См. о нем: Прот. И. Четверухин, Е. Четверухина. Иеромонах Алексей, старец-затворник Смоленской Зосимовой пустыни. [Сергиев Посад], 1995.

усмотрел суровости в общении старцев Зосимовой пустыни с их духовными чадами, но думаю, что мнению о поклонении букве закона в Зосимовой пустыни она обязана главным образом твердому законнику старцу отцу Алексию.

Великий старец был одним из популярнейших духовников в России. К нему стекались сотни тысяч православных из-за его духовного руководства, и слава о его суровой и мудрой исповеди, о его наставлениях и беседах распространялась далеко за пределы нашей родины. К его словам прислушивался собор, вызвавший его из затвора для того, чтобы он вынул жребий поставленного Патриарха⁶⁹, который стал и послушным его духовным сыном. Под его руководством находились почти все православные епископы и все ученики Московской Духовной академии, тесно связанной с Зосимовой пустыней и ее священником.

Такое ответственное положение в Русской Церкви наших лет, обуреваемой ересями и расколами, заставляло старца особенно осторожно и мудро высказывать свои мнения. В них он изложил главный принцип своей веры: послушание и подчинение Святой Церкви и ее православным епископам. Голос колоколов и преданий церковных слышался покойному отцу Алексию в голосе епископов православных, и он однажды даже впал в ошибку, слишком боясь нарушить послушание своему духовному начальству. Это было в вопросе о новом стиле, в котором отец Алексей советовал подчиниться решению Патриарха о принятии его тогда, когда после советов с мудрыми епископами сам Святейший изменил свое первоначальное постановление.

Это подчинение беспрекословное православным епископам вытекало у старца из боязни своеволия в Церкви, которое он видел в образовавшихся многочисленных искажениях Православия, и это подчинение имело в виду епископов, не погрешивших против канонов церковных. Те же владыки, которые уклонились от постановлений соборных в ересь, сурово отвергались старцем, также и постановления, проведенные епископами, идущие вразрез с основными канонами Церкви — как, например, разрешение Святейшего в крайних случаях совершать таинство Евхаристии не на виноградном вине, а на иных винах, что запрещено третьим правилом Апостольского собора.

Но эти черты строгого блюстителя законов в духовном лике почившего старца были не единственными. Он был чрезвычайно многосторонен. Главной и основной чертой его просветленной души была любовь ко Христу, к людям. Я не сразу по приезде моем в Сергиев познакомился со старцем, хотя бывал постоянно в доме, где он проживал, и знал, что старец весьма сочувственно относится к моей деятельности в Петропавловском приходе. Тому причиной было мое нежелание беспокоить его, слабого и больного. Я посетил отца Алексея только после настоятельного требования Веры Тимофеевны Верховцевой, которая мне как-то сказала: «Старец очень слаб и, может быть, скоро умрет, и вы будете жалеть, что не увидели и не поговорили с самым знаменитым духовником в России».

Я, испросив предварительно разрешение у архимандрита Сергиевской Лавры⁷⁰, в духовном подчинении которого находился старец, и узнав о его желании видеть меня, пришел к нему в четыре часа дня 19 июля 1924 года. Старец лежал на постели, обложенный подушками. Его резкие черты лица, его крупный нос, большие круглые глаза, большой лоб, седые волосы, выбивающиеся из-под схимнического куколя, седая борода и длинные пальцы рук — все произвело на меня впечатление величавой суровости. Я склонился перед ним, на что услышал его слабый голос: «Так не надо. Я не могу склониться перед вами оттого, что я болен. Кланяться иерею не следует низко. Давайте поздороваемся с вами, как подобает иереям». Мы облобызались и поцеловали друг у друга руки.

⁶⁹ Старец Алексей не был вызван специально для этого — он участвовал в работе Собора до избрания Патриарха.

⁷⁰ Разрешение давал отец Кронид (Любимов, 1858-1937), последний наместник Лавры до ее закрытия в 1920 году.

Батюшка стал расспрашивать меня о моей семейной жизни, о жене и детях. Я поведал ему о моих приходских затруднениях. Старец сказал: «Я позволю себе вспомнить вновь об одном совете, которого я удостоился от мне неведомого странника в иноческой одежде в Зосимовой пустыни. У меня в первое время моего духовничества было очень много народа. Как-то я стал замечать, что мне многого не удастся совершить, многим я был недоволен и духовно себя чувствовал тревожно. Мне все казалось, что я должен оставить духовничество и уйти в затвор. С этими мыслями я как-то шел по улице и у самой церкви встретил монаха с котомкой странника, который меня остановил и сказал: „Твои думы о бросании духовничества не от Бога. Ты ищешь славы народной и боишься, чтобы тебя не осудили люди. А ты работай для Бога, а о себе не думай, и все будет хорошо“. Я последовал этому совету и успокоился. Вот и вам советую не предаваться унынию в случае неудачи в приходской жизни и всегда помнить, что удачи бывают тогда у священника, когда он работает не для своей славы, а для славы Церкви и Господа. И так как слава влечет к себе, то, бывает священник и споткнется на своем трудном пути в Царствие Небесное. А когда его немного побранят или ему что-либо не удастся, он вспомнит о своем назначении и вернется на истинный путь, ведущий его к вечной жизни». Этим назиданием старца закончилась наша первая беседа.

Особенно стал ко мне благоволить покойный старец после того, как я содействовал поступлению Михаила Владимировича Шика в сверхштатные диаконы Петропавловского храма. Как-то поздно вечером, в десятом часу меня вызвал к себе старец и сказал:

— Вот вам мой приказ. Исполните его, если меня любите. Возьмите к себе Михаила Владимировича Шика в заштатные диаконы, вы его знаете.

— Знаю, — отвечал я, — и горячо люблю и уважаю, но он еврей, и я боюсь, что мои прихожане, зараженные ненавистью к евреям, не захотят его принять.

— Не говорите мне этого, — прервал отец Алексей, — это безумие — ненавидеть евреев. Ненависть всякая — грех, а ненависть к народу Божию, пришедшему ко Христу, есть ничем не оправдываемый грех. Ваше дело убедить прихожан. Вы им укажите на то, что Михаил Владимирович родственник Богоматери, апостолам, пророкам. Святой апостол Павел говорит, что весь Израиль в последнее время спасется, и святитель Иоанн Златоуст сравнивает иудеев, принявших добровольно христианство, с ангелами — вестниками скорого пришествия Господа. Я вам заповедую всегда быть близким с Михаилом Владимировичем. Вам завещаю после смерти моей сказать всем моим знакомым, что Михаил Владимирович мой любимый духовный сын и что я верю — он будет впоследствии руководителем моих духовных детей в деле их спасения. Я знаю чуткую душу Михаила Владимировича, знаю его скорбь о том, что его родители еще не приняли Православия, но верю: он приведет их к истинной вере, а кроме того, он женат на истинной русской дворянке княжне Шаховской и все его убеждения русские, народные. О моем желании я пишу Патриарху и не скрою от вас: это желание мое видеть Михаила Владимировича диаконом у вас, а впоследствии священником — явилось мне вчера в часы чтения мною акафиста Божией Матери.

Я попросил благословения старца и вышел от него с несколько тревожными думами. Зная и глубоко почитая Михаила Владимировича, как одного из самых светлых и достойных христиан, я недоумевал, как мне удастся побороть мысли моего приходского совета, который, конечно, будет мне прекословить провести его в заштатные диаконы нашей церкви.

Через два дня после моей беседы со старцем я был у Святейшего и он, уже предупрежденный старцем, также велел мне устроить Михаила Владимировича у себя в церкви. Церковный совет сперва отказывался принять Михаила Владимировича сверхштатным диаконом, но после того, как я пригрозил ему своей отставкой и созывом общего собрания верующих, согласился. Я с особенной радостью исполнил приказание отца Алексея, так как сам глубоко почитал и горячо любил Михаила Владимировича.

За мое послушание батюшка велел мне бывать у него, когда я найду нужным, и приказал впустить к себе нуждающегося в нем человека, имеющего от меня записку. Старец был тогда в затворе, к нему впускали только по запискам от архимандрита Кронида или Святейшего Патриарха. Любовное отношение к Михаилу Владимировичу старца особенно выразилось в его постоянных попечительных заботах о его служении, в его просьбах о его устройстве и в радости, когда он узнавал об успехах в деле пастырского служения отца Михаила. Я помню, случайно батюшка услышал восторженный отзыв о служении отца Михаила Екатерины Александровны Львовой и пришел в великий восторг.

Я был у него тогда же вечером, и батюшка мне говорил:

— Вчера я был утешен Господом. Я услышал случайно, как хвалили службу отца Михаила, сына моей души. Я его не только люблю больше всего на свете, я счастлив, что его уважают. А вы семьями знакомы? — спросил он.

— Как же, — ответил я.

— И жены ваши любят друг друга, и дети ваши играют вместе? — Да, — сказал я, — мы очень дружны.

— И дружба эта полезна для вас. Михаил Владимирович, придет время, утешит вас в вашем горе и подкрепит в ваших испытаниях.

Ныне я могу засвидетельствовать, что старец оказался вполне прав. В часы кончины мамы Михаил Владимирович не только молитвенно облегчил ей переход в иной мир, но и меня, убитого ее потерей, поддерживал и укреплял в несении тяжелого креста жизни.

Как-то раз старец вызвал меня к себе и спросил, служил ли у меня иеромонах отец Петр. Я ответил отрицательно. Тогда старец перекрестился и сказал:

— И слава Богу. Он живе⁷¹, представьте себе, он мой духовный сын и осмелился служить с красным епископом Алексием.

Едва старец успел закончить свою фразу, как вошел келейник его отец Макарий⁷² и объявил о приходе иеромонаха Петра. Я хотел удалиться, но старец велел мне остаться и сказал:

— Это свидание будет для вас поучительно.

Робко озираясь бегающими глазами, вошел иеромонах Петр. Он поклонился в ноги старцу и попросил его благословения.

— Вы служили с «живым» иереем? — сухо спросил его батюшка. '

— Да, но ведь он поставлен бывшим царским архиереем, да я и служил с ним только одну обедню.

— Как ваше имя мирское? — перебил его испуганный лепет старец?

— Грешник Василий, — с изумлением ответил иеромонах.

— Васька, поди вон! — крикнул старец и грозно указал смущенному иеромонаху на дверь.

Из свиданий со старцем Алексием особенно одно запечатлелось в моей душе. Был зимний вечер. Старец долго держал меня у себя. Он очень хвалил меня за мою длительную уставную службу. Он говорил:

⁷¹ То есть живоцерковник.

⁷² После кончины старца Алексия отец Макарий был рукоположен в сан иеромонаха. В 1930 году он был арестован и вскоре расстрелян.

ОТЕЦ ПАВЕЛ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Во Владимире я встретил человека, который поразил меня своей духовной озаренностью. Я впервые увидел человека, всю свою жизнь строящего на откровениях неба, данных ему. Я говорю об отце Петре Рождественском (П. Р.). Его духовный лик мало понятен, толпа его не поняла. Он принадлежит к тем праведникам, которых почитают после смерти. Вот краткая его биография. Сын дьячка, воспитанный в горькой бедности, он оканчивает четыре класса семинарии и по настоянию отца выходит из нее и поступает в полицию, где дослуживается до звания полицеймейстера. После революции принимает сан священства, много раз сидит в тюрьме и высылается из Владимира в Туркестан.

Отец П. вдовец, и у него многочисленное семейство. В его обычном семейном быту ничто не отличается от тысяч семей средних людей губернского города, но он не только хорошей, высоко христианской жизни человек, он духовный провидец, видящий грядущие грехи и беззакония людей. Наблюдая облака и перемену звезд на небе, он читает в вечных его глубинах скорби и радости Христовой Церкви. Облака являют ему лики Господа, Божией Матери, святых. Сочетания звезд для него зажигаются огненными словами, которые открывают ему неведомые обычным людям тайны грядущих мировых судеб.

Ему мало верят люди, не понимающие, в скудости своей, радостей озарений восхищенных на небо, и он для обычного взора кажется рассеянным, высоким, седовласым священником с очень добрыми глазами, с длинной седой бородой. Его осуждают за путаные службы, боятся скуки его проповедей, а если случайно узнают о его видениях, говорят о его душевной болезни. Только немногие оценили его кристальную душу и увидели его подлинный лик. Я особенно сблизился с отцом П. Р. после того, как он пригласил меня служить с собою в церковь Михаила Архангела, где я начал говорить каждый понедельник проповедь за вечерней и собирать слушателей, за что отец П. был мне чрезвычайно благодарен, так как посещаемость Михаило-Архангельского храма была очень скудна. В дни моего близкого соприкосновения с отцом П. я узнал его чистую душу и горячо полюбил его. Я был также свидетелем его откровений, о которых я хочу рассказать.

Был летний, ясный полдень. Облака длинной лентой, не мешая солнечным лучам, разгуливали по лазури неба. Веселый грохот города вторил бодрому шуму листов, колеблемых ветром. Я шел по прямой, открытой широкой улице — Большой Московской, от Золотых ворот к храму Михаила Архангела вместе с отцом П. Я рассказывал ему о своем волосовском бытии⁷³, а он делился со мною своими воспоминаниями об окрестностях Владимира. Внезапно я заметил перемену лица отца П. Он внимательно глядел на облака, лоб его стал странно бледен, крупные капли пота застыли у круглых глазах, пораженных ужасом и скорбью.

— Вы ничего не видите? — спросил он.

— Нет, — ответил я испуганно, глухим голосом.

— А я вижу угодника Серафима перед Христом Господом, а у Господа вырваны глаза. С Саровом горе, в Сарове несчастье! — закончил звонко и тоскливо отец П.

Мне стало страшно. Улица, тихое небо, шум, спокойный Владимир — все превратилось для меня в один вихрь бесконечный. Это было 18 июля 1927 года, когда был закрыт и разграблен Саров.

Раньше, зимою на Крещение 1927 года, я испытал на себе силу провидения отца П. В Михаило-Архангельском храме литургия начиналась в шесть часов утра, и я, боясь проспать, обычно всегда просил домашних меня вовремя будить. Мамочка проспала и не разбудила меня, и я, опаздывая, что-то резко сказал ей, убегая в церковь. Литургию совершает отец П. с особенным трепетом и любовью.

⁷³ В 1927 году отец Сергей получил приход в селе Волосове недалеко от Владимира.

Он как бы беседует с Господом в часы служения, а в главные минуты вечного таинства он повергается перед Богом, обливаясь слезами. Я застал окончание шестого гласа и начал служить вместе с отцом П. литургию. Перед Евхаристией отец П. спросил меня:

— Вы готовились к службе?

Я, удивленный его вопросом, так как он знал, что я не посмел бы служить без приготовления, ответил ему, что, как всегда, готовился.

— Я не могу совершать таинство святое, — сказал он, — я чувствую, что вы тут причиной. Вспомните, прошу вас, Господа ради, не обидели ли вы кого-нибудь?

Я вспомнил, что обидел перед уходом маму и сказал отцу П. Он перекрестился и, сказав: «Господи, прости и разреши иерея Сергия», — спокойно продолжал служение. Я пишу эти строки для читателей, понимающих величие и святость провидения и веры, и потому предоставляю им судить, что я испытал в памятную для меня крещенскую обедню.

Жизнь отца П. соткана из горя и потерь. Он похоронил любимую жену и старшего взрослого любимого сына. Постоянная его тревога заключается в том, что его старшая дочь ненормальна, а остальные дети не понимают, как не понимает и владимирская толпа, его глубоких порывов к Господу. Утешает отца П. частое богослужение в храме, холодном зимою и знойном летом и всегда пустынном, в честь Михаила Архангела на горе; утешает его и духовная близость с некоторыми его прихожанами и оценка его молитвенного подвига епископом Владимирским Афанасием⁷⁴ и некоторыми владимирскими иереями.

Недостаточное уважение отца П. владимирскими богомольцами, любящими и ценящими богослужение, объясняется убеждением многих в безумстве его. Историю этого безумства поведал мне сам отец П., когда мы шли с ним по глухой Мещанской улице, возвращаясь от рождественской вечерни из церкви в 1926 году. Вот его рассказ:

«Когда живцы носили образ Боголюбской Царицы Небесной, я, глядя на Владычицу, увидел, что благодать от иконы в виде огненного облака поднялась на небо, а лик образа оросился слезами. Видя это, я закричал и стал призывать верующих к покаянию. Это было перед обедней на Троицу. Меня вывели из крестного хода, и, когда я явился в церковь для служения литургии, я почувствовал в храме присутствие темной силы, я увидел на дьячке моем рога вражеские. Я погнался за ним, меня схватили какие-то люди и отвели в больницу, где я отпел себя, почитая умершим».

Впоследствии оказалось, что дьячок, служащий у отца П., перешел к живоцерковникам и, будучи третий раз женатым, принял у них сан священника. Таким образом, кроме непонятого факта самоотпевания, в образах безумия отца П. можно усмотреть то духовное прозрение истины, которое является основной чертой его подвига. Сейчас на далекой окраине Руси он лежит больной. Во время ссылки он захворал, и его оставили в больнице какого-то города Туркестана. Близким не удалось разузнать даже точного адреса его, и кажется, будто скорби, данные ему Господом, близки к завершению — вечной радости загробного бытия праведников.

Вспоминая подвиг отца П. Р., невольно является вопрос о сущности прозрения. Что такое прозрение и предвидение грядущего? Подвиг самостоятельный или результат известной духовной работы, известной совокупности подвигов? Я полагаю, что светлое прозрение есть одновременно результат духовной жизни человека и особый крест, данный человеку Господом, особый тяжкий подвиг, под бременем которого можно упасть человеку или в бездны гордости, или в горечь отчаяния от созерцания грядущих мировых бед или пошлых сторон души человека.

⁷⁴ Афанасий (Сахаров, 1887-1954), епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии, жил во Владимире. Многократно арестовывался, один из немногих епископов, переживших эпоху сталинских репрессий.

СХИМОНАХИНЯ ОЛИМПИАДА

Тяжесть подвига прозрения и его смиренное несение особенно ярко видны в жизни схимонахини Олимпиады, старицы и духовной руководительницы многих, жаждущих жизни во Христе. Когда я приехал во Владимир, я особенно сблизился с протоиереем отцом П. Усп., одним из образованнейших и умнейших священников, которых мне приходилось встречать в моей жизни. Отец П. рассказывал мне много раз о монахине Олимпиаде как о высокой жизни праведнице, живущей с мужем как с братом и в мирской суете умевшей проходить подвиг иноческий. Он говорил о молитвенных трудах монахини Олимпиады, о том, что она с двенадцати лет почти непрестанно творит молитву Иисусову, и о ее дивных прозрениях. Я тогда пережил горе потери сына, и мне очень хотелось познакомиться с матушкой, но когда отец П., ее духовник и духовный руководитель, спросил ее, желает ли она меня принять, она ответила отказом. Шли месяцы. Я как-то шел по грязи Солдатской слободы мимо церкви Успения, возвращаясь с требы, когда меня окликнула какая-то монахиня и попросила зайти к матушке Олимпиаде, которая жила как раз против церкви. Я с радостью пошел на зов и увидел среди комнаты, уставленной ликами святых, небольшого роста, довольно полную женщину с глазами, сияющими такой необычайной добротой и вместе с лицом спокойно строгим и столь располагающим к себе, что почувствовал впервые после смерти сына какую-то духовную успокоенность.

Монахиня утешила меня не одним своим видом. Она указала на лик Господа и напомнила о несении Им креста и о страданиях, которые Он заповедал всем, идущим путем Евангелия и любви. Тогда же она открыла мне тайну моего исключительного мучения в подвалах ГПУ. «Ты сам виноват, — сказала она, — оскорбил следователя на первом допросе». И матушка точно передала мне фразу, сказанную мною следователю. Это так меня поразило, что я открыл ей всю мою жизнь, и она не только мудро изъяснила мне причины моих греховных падений последних лет, она указывала и на мысли и чаяния, и на мои духовные достижения в дни испытаний и скорбей.

После батюшки отца Анатолия Оптинского я никому не открывал свои тайные помыслы и грезы с такой полнотой, как матушке Олимпиаде, и в ответ на мою любовь она поведала мне о дивных видениях Матери Божией, которая однажды в бытность ее на Украине направила ее в Почаев и явилась ей в Киево-Печерской лавре в виде Жены в черных одеждах. «Надвигалась гроза, — говорила матушка, — и звонили к вечерне на Ближних пещерах, когда я захотела взять воду у источника преподобного Антония. Я спустилась к нему и вижу, идет Жена, облаченная в черное, и говорит мне: „Возьми воду в источнике“. Я исполнила Ее приказание. В это время раздался удар грома и молния осветила Ее лицо. Я почувствовала такой трепет и умиление, что начала плакать, и слышу Ее голос: „Читай Богородицу“. Когда я прочла, Жена исчезла».

Матушка особенно благодарит Царицу Небесную за Ее милость, чудесно ей данную в Почаеве. Матушке очень хотелось получить платок, которым отирают лик Почаевской Царицы Небесной. Она даже хотела купить себе небольшой платок и попросить отереть им чудотворный образ. Это ей не удалось, так как платков в Почаеве не оказалось, и она с грустью подходила в последний раз перед отъездом приложиться к иконе, когда дежурный иеромонах протянул ей платок, которым он вытирал икону, и сказал: «Я сегодня во сне видел Царицу Небесную, и Она велела вам передать этот платок». До этого времени матушка никогда не видела этого иеромонаха. Потрясенная событием, матушка лишилась чувств. С момента этого чуда она особенно возлюбила Почаев, и вскоре духовный собор Лавры наградил ее копией чудотворной иконы Почаевской Божией Матери, которая не раз проявляла силу благодатную в бытность свою у матушки.

Духовное водительство вместо матушки Олимпиады детушек ее принял на себя иеромонах Киево-Печерской Лавры Николай, а после его смерти — иеромонах Иона. Большое влияние на матушку Олимпиаду имела ее мать, человек также высокой духовной жизни, а в последние годы архимандрит Давид, знаменитый глава плясовцев, разорвавших с Церковью. Матушка Олимпиада, узнав о его отрыве от Церкви, перешла под руководство оптинского старца Георгия, которого считает своим старцем по сие время. Отличительной чертой ее подвига является необычайная любовь и наставительность, а также ведение грядущих судеб человека, что я много раз испытал на себе. Так, она направила меня в Волосово в то время, когда я, будучи прикрепленным к Владимиру, не имел права отлучаться от города и когда я, попросил разрешение ГПУ отправиться в Волосово, получил отказ. Узнав о нем, матушка сказала: «Сейчас не пустили, а скоро сами пошлют». Эти ее слова сбылись буквально. Через два месяца я был выслан ГПУ из Владимира в Волосово. Матушка не раз утешала меня в часы тяжких болезней детей, предсказывая их выздоровление и приготавливая меня к перенесению тяжкого горя, смерти мамы. Она успокаивала мою боязнь ареста, уверяя, что меня не тронут под сенью святителя Николая Волосовского, и дала мне правило молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, спаси и помилуй нас грешных от этой беды и напасти», которая, как она говорила, спасет меня от испытаний ареста. Это правило столь утешило меня и так придало бодрости, что я позволю себе советовать его всем, испытавшим тяжесть мук заключения. Вот это правило. «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, спаси и помилуй нас грешных», пятьсот молитв. Сменяются через день — триста подобных молитв с сотней призываний Богоматери, пятьдесят призываний Ангела Хранителя, пятьдесят призываний всех святых. Кроме того, ежедневно матушка советовала мне читать сто молитв в честь святителя Николая: «Святителю отче Николае, спаси мя; святителю отче Николае, защити мя; святителю отче Николае, избави мя от этой беды и напасти». Молитву Иисусову матушка вменила мне в обязанность читать в часы моего пребывания в ГПУ. Я должен сказать, что, читая святые слова молитвы во время испытаний в ГПУ, смог лучше вынести тревожную тоску, свойственную этому учреждению.

Жизнь матушки, как всех вступивших на путь Христов, поражает обилием скорбей. На нее часто клеветают, ей часто досаждают, ее многие ненавидят. Но среди этих скорбей самое тяжкое ее испытание — это ее провидение. Она мне как-то сказала, что «самое страшное в жизни — это видеть будущее не своими глазами, а указанием Господа и наставлять людей в будущем пути жизненном».

В настоящее время матушка взяла к себе за послушание высланного г-арца М. — высокий подвиг нашего тревожного времени. Длительный подвиг матушки сопровождается непрестанной молитвой, которую она творит умно среди забот и суеты, ежедневно. Моя любовь и мое почитание матушки Олимпиады столь велики, что я не умею найти слов для изображения ее многочисленных утешений и наставлений мне, грешному.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Юродивый Гаврюша

В Шамординском женском монастыре, основанном старцем Амвросием Оптинским и находящемся вблизи Оптиной пустыни, жил юродивый Гаврюша⁷⁵. Его почитали за прозорливца и духовидца. К его несвязному лепету прислушивались и из его бормотаний делали различные выводы. Когда я в первый раз моего пребывания в Оптиной пустыни зашел в монастырскую лавочку купить себе на память некоторые карточки и книги, я заметил у прилавка невысокого человека лет сорока. Он был одет в зеленую кацавейку, рваная генеральская фуражка покрывала спутанные черные лохмы его

⁷⁵ О нем упоминает схиархимандрит Агапит (Беловидов) в своем «Жизнеописании в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» (М., 1900. Ч. 2, с. 111-112; репр. М., 1992).

волос. Узкая бородка была перевязана желтой лентой. В руках у него была деревянная лопата и зажженная свечка, на которую он устремил умно-проникновенный взор голубых круглых глаз. Весь его облик напоминал ястреба перед тем, как он бросается на свою жертву. Лицо, каменно-злое, отталкивало своей недвижимой суровостью. Я спросил у лавочника об имени странного человека. Лавочник шепотом назвал мне юродивого Гаврюшу. При всем моем тогдашнем желании видеть только светлые блики в Оптиной пустыни, я почувствовал к юродивому глухое недружелюбие и весь вечер пытался отогнать от себя его суровый лик.

Утром я должен был уезжать из Оптиной и боялся, что увижу юродивого еще. Страху моему суждено было исполниться, но вместе суждено было и разбиться тяжелому видению лица Гаврюши. Когда я вышел от отца Анатолия после моего прощания с ним, я услышал у крыльца батюшкиной кельи веселый, радостный детский смех и увидел юродивого, бегающего вперегонки с мальчиком лет шести. Лицо Гаврюши сияло таким блаженством, он улыбался такой ласковой улыбкой, что невольно становилось самому светло на душе. Я поклонился юродивому. Он также кивнул мне как старому доброму приятелю и, звонко смеясь, бросил в мальчика горсть снега. Народу было много, и все с благоговением следили за Гаврюшей.

— Вишь ты, бросил снег. К богатству это ихнему роду, — сказала какая-то старушка.

— Ин нет, не к богатству, а к покойнику, — крикнула востроносая баба.

Некоторые женщины тоже пытались растолковать действия Гаврюши, а он, весело смеясь, глядел на мальчика, который то подбегал, то отбегал от него.

Дорога в Шамордино проходит старой дубовой аллеей. Мне, к сожалению, не удалось побывать в знаменитой обители, но я часто хаживал в осеннее мое пребывание в Оптиной пустыни по этой аллее, твердя молитвы и следя, как падают желтые листья, как они целыми стаями летают яркими осенними блестками. Как-то, гуляя по аллее, я услышал сбоку говор и горький тонкий плач. Я заглянул за толстый дуб и увидел сидящего на земле юродивого и возле него женщину в черном монашеском платке. Юродивый горько плакал и подбрасывал красный платок, а женщина молилась и клала около него земные поклоны.

— Скажи, Гаврюшенька, что с Лидочкой будет? — причитала она. Юродивый перестал плакать, разорвал платок и, передавая женщине, сказал:

— Муж будет есть досыта, а жена будет бита. Если есть Бог, то будет светел чертог, — и с этими словами вскочил и убежал вдоль по поляне.

Женщина с благоговением подняла оброненные юродивым куски красной материи и вышла на дорогу.

— Вы о чем у него спрашивали? — спросил я, узнав в женщине мою знакомую монахиню из Шамординского монастыря.

— О судьбе племянницы моей. Замуж выходит, да, видно, плохо ей будет. — вздохнув, ответила монахиня.

В день моих именин 25 сентября я был вместе с Сергеем Николаевичем Дурьлиным у владыки Михея⁷⁶. Владыка жил в доме, напоминающем дачу, с большим огородом. Он принял нас милостиво и с достоинством. Вспомнил свою встречу с Сергеем Николаевичем в Соловках, похвалил меня за то, что я не пропускаю ни одной службы, и напоил нас чаем со сладостями и вареньем. Я, между прочим, рассказал владыке о моей встрече с юродивым. Он потрянул белыми львиными кудрями

⁷⁶ Епископ Уфимский Михей (Алексеев, 1851-1930) в конце 1913 года был уволен на покой и проживал в Оптиной пустыни.

(Преосвященный Михай напоминал львов, которых ставили в былое время бары у подъезда своих особняков в Москве) и сказал: «Да, он любопытен. Он сейчас здесь. Хотите, я позову его?» Мы отказались: Сергей Николаевич торопился уйти, а я немного побаивался Гаврюши.

Когда мы простились с Преосвященным, то Сергей Николаевич быстро удалился в больничный корпус к игумену Агапиту, а я столкнулся с юродивым, идущим от владыки. Гаврюша серьезно взглянул на меня и сказал:

— Вы отчего меня боитесь?

— Я не боюсь вас, — ответил я.

— Нет, боитесь, — улыбаясь, сказал он. — Я должен сказать вам, что все меня боятся, боятся узнавать будущее, а вам вот от меня завет такой: когда трудно в жизни будет, помолитесь Богородице и всегда поминайте кого-нибудь, и эта самая молитва ваша за другого ох как облегчит вашу скорбь! А впрочем, будете много раз петь «Покайтесь, языцы», а иногда Аллилуйю споете. Христос с вами. — И он перекрестил меня.

Гудели осенние светлые ветры и несли с собою свежие блики огненных ясных солнечных стрел. В скиту много было яблонь. Извилины дорожек путались среди опавших листьев. Запах осени терялся в остром аромате георгин и астр, что пунцовыми пятнами атели среди лиловых и алых левкоев. У скитской деревянной церкви большие желтые цветы бросали лепестки на могильные холмы. От этих могил тонкая тропинка, вся усеянная опавшими яблоками, вела к небольшому дому, заросшему диким виноградом. В нем жил монах отец Назарий, молодой пламенный инок, знающий всю прошлую и настоящую жизнь Оптиной и обладающий замечательным акварельным портретом старца Макария. К нему я пошел после моей встречи с юродивым.

Отец Назарий был дома. Он с радостью поделился со мною своими сведениями о Гаврюше.

— Он удивительный человек, — говорил отец Назарий, — вы знаете, что он как-то, молясь здесь в скиту, видел батюшку отца Амвросия. Это было года два назад. Приходит к отцу Феодосию Гаврюша и говорит: «Я сегодня в церкви батюшку Амвросия видел. Он грустит на небе, зачем у тебя в келье лик Царицы Небесной лежит под столом и пылится». Батюшка отец Феодосии сперва не принял во внимание его слов. Только дня через два заметил доску, которая лежала у него в кладовой под столом, и подобрал ее. Оказалось, что это икона Царицы Небесной из келейных отца Амвросия. Юродивый никогда не бывал в кладовой у отца архимандрита. А то раз такой был случай. Умер у нас послушник Марк, совсем еще молодой человек, лет двадцати четырех. О нем мало плакали, его мало знали, был он дальний. В обители пробыл не больше шести месяцев. Вот на девятый день приходит ко мне Гаврюша и говорит: «Я вчера на кладбище Марка видел. Он велел тебе сказать, чтобы ты по нем читал год Псалтирь, так как он тебя любил. А после года узнаешь, отчего тебе, а не другому по нем читать Псалтирь поручено». Я поверил Гаврюше и стал читать по Марку Псалтирь. Что же узнаю через год? Что Марк мне сводным братом доводится. Он незаконный сын моего отца, и отец, умирая, очень о нем тревожился и хотел мне поручить его отыскать и позаботиться о нем. А вот вчера так напугал меня Гаврюша! Прибегает ночью, будит меня и говорит: «Седой поп во храме Введения, вот сейчас видел», — и плачет. А седым попом называет Гаврюша какого-то умершего иеромонаха, который является в храмах перед тем, как в них прекращается богослужение. Он, как говорят старики, являлся в храме, уничтоженном в селе Шишенском князя Оболенского, и в Шамордине в деревянном храме перед его сносом.

— Что же, значит, Введенский храм закроют? — спросил я.

— Удивительного мало при нашей теперешней жизни, — отвечал Назарий.

На этом неожиданно прекратилась наша беседа, пришел Сергей Николаевич. Разговор перешел на хлыстов. О них тогда подарил отец Назарий книгу Сергею Николаевичу. Удивительный был человек Назарий. Он обладал чрезвычайной эрудицией в ряде ничем не связанных научных дисциплин. Он отлично знал физику, историю, литературу и богословие. Он был хороший уставщик и любил цитировать наизусть целые страницы из творений Василия Великого и особенно Златоуста. Но главной для него была идея самодержавия. Здесь он был и ученым, и фанатиком, и рышарем. Он готов был донести на любого противника царя в полицию и считал за честь умереть во имя самодержавия. Это ему удалось, когда он в 1918 году покинул Оптину вопреки желанию старцев, поступил в монархический отряд (Архангельский) и погиб в стычке с большевиками. Назарий был сыном бедного крестьянина. Он окончил два факультета N-ского университета. Благодаря этому у него рядом с глубокой добротой и острым умом было некоторое самомнение, мешавшее относиться к нему с открытой душой. Вечером мы пошли с Назарием во Введенскую церковь.

Когда я думаю об Оптиной пустыни, передо мной встают лики иноков и мирян, которых я там видел. До сих пор звучат мне напевы давние, оптинские, молитв, но облик всех храмов, их внешний вид и их святыни, к сожалению, у меня вырвало время. Я помню чудотворный образ Царицы Небесной и неудобную деревянную лестницу возле него. Помню гробницы великих угодников Моисея и Антония, но все эти святыни стоят передо мной не связанные с храмом, который они украшают. Со мною блеск куполов Введенского храма. Я ясно созерцаю зимний храм, высоту колокольни, чувствую запах кипарисный скитского деревянного храма, его и больничный храм я хорошо запомнил. Запомнил лестницу, яркий иконостас, нард и алоэ, ароматом которых пропитаны стены скитского храма. В больничном помню небольшие хоры и трехъярусный иконостас, в центре своем имеющий образ Владычицы Царицы Небесной.

По дороге из скита в монастырь Назарий рассказал нам об удивительном появлении юродивого в Оптиной. Он появился зимой, в лохмотьях, босиком, без шапки. В руках у него была щетка, которой он ударил изо всех сил настоятеля и потребовал, чтобы его приняли в обитель и сделали казначеем. «За что же я тебя сделаю казначеем, коли ты дерешься?» — спросил архимандрит Исаакий. «А за то, — ответил юродивый, — что я метлою от тебя бесенка отогнал, который ссорил тебя с теперешним казначеем». «Действительно, — свидетельствовал Назарий, — казначей и настоятель, ранее ссорившиеся между собою, с тех пор стали очень дружить». В Оптину на жительство Гаврюшу приняли, но он через два дня ушел в Шамордино, где произвел великий переполох. Придя в трапезную, он завохтал как курица и забубнил как индюк. Старая монахиня крикнула на него: «Уймись ты!» На это Гаврюша ответил: «Уймусь, когда перестанете, как куры, судачить и пересуждать друг друга и превозноситься друг перед другом, как индюки. Авось, хотя за два дня до Страшного Суда угомонитесь». «Но здесь, — прибавил Назарий, — Гаврюша ошибся. Шамордино — монастырь строгий, и хотя были сплетни и пересуды, но много меньше, чем в иных женских обителях. А после появления Гаврюши в трапезной почти уже больше пяти лет и совершенно перестали сплетничать».

За всенощной во Введенской церкви я не мог молиться. Мне все представлялся таинственный седой иеромонах, которого видел юродивый. Я размышлял о грядущих судьбах храма, тревожил меня и сон Гаврюши. Мне хотелось о многом расспросить его, хотелось узнать подробнее его жизнь. После службы я и Назарий пошли к батюшке отцу Анатолию, но не застали его и отправились гулять по монастырскому кладбищу. Я знал наизусть в то время почти все поучительные надписи на могилах иноков обители, но, бывая на скитском кладбище, еще и еще раз любил перечитывать их. Особенно любил подробное описание жизни странника, погребенного среди оптинской братии. На это описание я обратил внимание отца Назария. «Я его помню, — откликнулся Назарий, — помню, и ко мне он приходил и у меня пел: „Светися, сретися, Новый Иерусалиме“. Это было как раз в год, когда появился в Оптиной Гаврюша». Я поведал Назарию о своем желании знать как можно больше о юродивом и просил его рассказать мне все, что он о нем знает.

Назарий охотно поделился со мною своими сведениями. Он сообщил мне следующее. Юродивый — это Гавриил Иванович Иванов, крестьянин Калужской губернии. Отец его был очень богат и занимался извозом (держал ямских лошадей на станции Козельск). Мать свою, женщину богобоязненную, Гаврюша потерял в малолетстве. Отец души не чаял в единственном сыне (больше детей у него не было) и дал ему очень хорошее образование, часто брал его с собою на работу, баловал его и всячески холил, так как Гаврюша здоровья был слабого, перед смертью, завещая Гаврюше все свое состояние, отец послал его пойти в Оптиную пустынь и там жить до сорокового дня его кончины.

Сын обещал исполнить волю родителя, но на другой же день после смерти отца исчез из дому и через месяц был отыскан в курском смиренном доме, куда был заперт, так как занимался юродством и нарушал общественное спокойствие. По ходатайству дяди Гаврюша был выпущен, но домой идти отказался и ходил по Руси, юродствуя и предвещая беды и радости до тех пор, пока не водворился на постоянное жительство в Шамордине. Что побудило Гаврюшу принять самый тяжкий христианский подвиг, точно неизвестно.

Известно только то, что он накануне кончины отца видел сон, в котором ему были показаны разные светлые венцы неведомым ему юношей. Был ему показан и венец его отца — черный с гвоздями. Гаврюша спросил юношу: «Отчего этот венец столь темен?» «Оттого, — отвечал юноша, — что твой отец несправедливо достиг богатства, он грабитель и убийца». «А могу я очистить его венец?» — спросил Гаврюша. «Можешь, если возьмешь самый большой крест в мире, будешь юродивым, и будут тебя гнать, и будешь ты позор в сем мире». На этом Гаврюша проснулся. Он много раз рассказывал об этом сне шамординским монахиням и некоторым братьям оптинским, но был ли сон главным побудителем для избрания Гаврюшей подвига юродства или еще какие-нибудь иные были причины, заставившие его стать юродивым, неизвестно.

Мне очень хотелось еще раз увидеть Гаврюшу, но я его больше не видел в Оптиной пустыни. Гаврюша не приходил, а в Шамордино я не пошел, так как батюшка отец Анатолий отчего-то не благословил меня туда идти. Незадолго до гонений на Оптиную пустынь и Шамордино, летом 1920 года, Гаврюша исчез из Шамордина. Где он сейчас находится, неизвестно.

Среди знаменитых насельников Оптиной пустыни не встречаются юродивые, так что Гаврюша, бывший там при конце существования обители, едва ли не единственный Христа ради юродивый, подвизавшийся в знаменитом монастыре⁷⁷.

Правда, некоторые старцы имели черты этого великого подвига. Старец Лев иногда юродствовал, старец Иларион любил говорить невразумительные слова, а иногда совершал странные поступки. Не лишен был черт Христа ради юродства и подвиг последнего великого старца Оптиной — отца Нектария, который любил в часы досуга играть в карты, а иногда поражал проходящих к нему какой-нибудь странной шуткой. Я перехожу к воспоминаниям о немногих моих с ним встречах и беседах.

⁷⁷ С. И. Фудель в своих воспоминаниях об Оптиной пустыни так рассказывает о встрече с Гаврюшей: «В 1921 году я был во второй раз в Оптиной, на ее закате... Была середина мая, и в скиту уже распустились цветы. Я ходил по дорожкам, никого не встречая, и это безлюдье меня поразило своей точно предсмертной тишиной. Потом я услышал сердитое бормотание и увидел Гаврюшу — юродивого, почитаемого старцами, с длинной палкой, в рубашке без пояса, с какими-то котомками на плечах. „Гаврюша, — сказал я, — что мне? Идти в монастырь или жениться?“ И тут только, впервые в жизни, я увидел близко грозный взгляд блаженного. „А мне что! Хоть женись, хоть не женись“. — в голосе была явная досада. Он пошел дальше по дорожке между цветов, потом вдруг обернулся и прибавил: „А в одном мешке Евангелие с другими книгами нельзя носить“.

Мой вопрос был праздный: я тогда был одинаково не готов ни к монашеству, ни к браку. А замечание блаженного шло прямо в цель. Раздвоенность души — это все та же немощь веры, боящейся идти до конца за Христом» (Новый мир. 1994, №3, с. 214).

Отец Нектарий

Когда я впервые беседовал со старцем отцом Анатолием, он спросил меня, был ли я у отца Нектария. Я ответил, что у отца Нектария не был. Батюшка сказал мне: «Как же? Живешь в Оптиной пустыни, а у старца не был. Пойди к нему сегодня же. Он великий старец, такой, как батюшка отец Амвросий был».

Отец Нектарий жил в скиту направо от святых ворот в келье старца Амвросия (обстановка же кельи старца Амвросия была у отца Феодосия). Я пришел к нему часа в два дня, тотчас же после трапезы. Солнце ярко играло на белых стенах кельи. Первые весенние талые капли падали с крыши и дробились бриллиантами брызг на ступеньках крутой лестницы. Я постучал в дверь и сотворил молитву. В скиту никого не было. Воробьиные веселые крики звонко раздавались среди сугробов и на березе. На стук послышались шаги, медленные и шаркающие, и дверь открылась. На пороге кельи стоял старец с белыми красивыми прядями волос, с бородой редкой с желтизной, с большими серыми глазами. Это был отец Нектарий. Я попросил его благословения, сказав, что послан к нему отцом Анатолием. Старец благословил меня и с улыбкой веселой сказал: «Ну вот и хорошо, что к батюшке отцу Анатолию попал в руководство. Некоторые меня ищут как старца, а я, как бы вам сказать, все равно как пирожок без начинки. Ну а батюшка отец Анатолий — это все равно как пирожок с начинкой». Сказав это, он благословил меня трижды и удалился в келью.

В этот приезд мой я больше старца не видел. Поздно вечером гулял я с М. по монастырскому кладбищу. Зажигались лампы у могил. Светился морозным блеском снег. На небе звезды горели, от вечерней зари зажигались кресты колоколен оптинских храмов. Играли куранты часов на башне издали доносили шумы железной дороги и разбивались в тишине вечернего покоя. В часовне отца Анатолия слышалось пение. Когда я и М. подошли к часовне, навстречу нам вышли старцы отец Анатолий и отец Нектарий. У отца Нектария небольшой тремник. Мы ясно различили светлый взгляд отца Нектария и его улыбку. Батюшка отец Анатолий что-то быстро говорил ему, поминутно крестясь и кланяясь могилам. Мы не посмели подойти к старцам и поспешно перешли на другую тропинку.

На другой день 8 декабря я был у отца Нектария. Был я один, хотя целая компания знакомых, возглавляемая благодетельницей Оптиной пустыни некоей Надеждой Александровной Павлович⁷⁸, решила посетить его. Я опоздал к этому совместному визиту к отцу Нектарию, задержанный отцом Анатолием. Мне говорили, что, когда пришли к старцу, Надежда Александровна стала читать ему свою хвалебную оду. А он ей стал потом читать Державина, стихотворение «Бог», по прочтении которого отпустил посетителей. Я нашел дверь кельи отпертой и прошел прямо в кабинет старца. Это была небольшая комната, полностью увешанная иконами. На стене висел портрет митрополита Филарета Московского и какие-то фотографии неизвестных мне духовных особ. Старца не было в кабинете, но он скоро вышел из соседней комнаты. Старец был одет в серый подрясник, подпоясанный голубым шнурком. Он узнал меня и ласково благословил. Я не имел намерения утруждать старца беседой, так как, находясь под руководством отца Анатолия, не имел нужды обращаться к мужам духовно опытным за руководством и не смел беспокоить их разговором об обыденных житейских обстоятельствах. Но когда я, получив благословение, хотел удалиться, отец Нектарий удержал меня. «Вы не потрудитесь ли прочесть мне?» — сказал он, подавая мне книгу. Это были стихотворения Пушкина. Я открыл маленький томик суворинского издания и стал читать «Когда для смертного умолкнет шумный день». Когда я кончил, старец поблагодарил меня и сказал: «Многие говорят, что не надо читать стихи, а вот батюшка отец Амвросий очень любил стихи, особенно басни Крылова. Я полагаю, что читать стихи не только можно, но и должно. А вот теперь помолимся». И он стал перед образом Царицы Небесной на колени и, велев мне стать рядом с ним, стал читать акафист Владычице.

⁷⁸ Н. А. Павлович, поэтесса, литератор, написавшая воспоминания об отце Нектарии. (Примеч. В. С. Бобринской.) См.: Н. Павлович. Оптинский старец Нектарий. — Журнал Московской Патриархии. 1994, №6.

И была тишина, но не жуткая тишина, звучащая шорохами и вздохами, а мирная, светлая, точно сотканная из золотых нитей вечного блаженного покоя.

Осенью 1917 года я был в Оптиной пустыни, причащался в день своих именин 25 сентября старого стиля. В монастыре причастникам читали правило часа в два-три ночи. В коридоре гостиницы ходили послушники и, звоня в колокольчик, пели: «Божие время, помолитесь, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Быстро выходишь и погружаешься в предрассветный холод. В одном из соборов светится окно слабым оранжевым светом. Там читает правило очередной послушник, и тьма пустынного храма повторяет его звучный голос. После спешешь к ранней обедне в скит.

Помню, были закрыты ворота на скитскую дорожку и пришлось обходить все монастырское кладбище, пока наконец по тропинке в конце южной стены я вышел за ограду. Кругом тьма, горят голубые огни светляков. Я шел по кочкам, спотыкался на хворост, под ногами шуршала листва. Казалось, не будет конца пути, и было тревожно, что я заблудился, и хорошо было среди деревьев и тьмы. И вдруг на горизонте вспыхнул лес золотом и пурпуром, появились какие-то главы церквей. Крест, как бы сотканный из капель чистых слез, таял среди бескрайнего неба, и мерно серебряным звоном ударили колокола. Видение исчезло, но звон, гулкий и ясный, дрожал в порывах свежего ветра. Я очутился у скитской стены с противоположной стороны входа в скит. Когда я вошел в скит, лиловыми облаками таяла тьма (зажглась денница над деревянной церковью) и огни появились в окнах келий. К моему удивлению, я пришел первым. Колокол призывно звонил. Медленно крестясь, не спеша прошел сторож и отпер церковь. Я сел на скамью против цветников, покрытых желтыми розами и резедой. Скрипнула долгим скрипом дверь кельи отца Нектария. Эта келья была против скамейки. Я увидел старца. Он был в белом подряснике; сам, осененный лазурью .рассвета, казался мне светлым-светлым. Он остановился на крыльце и поднял руку вверх. И вдруг стая голубей белых стала летать у его головы и садиться к нему на плечи и падать к его ногам, чтобы вновь подняться и исчезнуть в розовой мгле раннего утра. А звон гулко звал к молитве, и розы роняли светлые капли росы.

Я был у отца Нектария 30 сентября после поздней обедни. Меня впустил к нему келейник, народа у него не было. Я вошел, и тотчас, веселый, появился старец. Он дал мне книгу «Жизнеописание Владычицы Пресвятой Богоматери»⁷⁹, а сам удалился. Я положил книгу на аналой перед большим ликом Богоматери и стал читать. Проходили часы, старца не было. Я прочел почти всю книгу. Лучи осеннего солнца стали гореть тревожным светом сумерек. Давно кончился послеобеденный отдых. Я провел в приемной один четыре часа. Старец вошел незаметно, ласково обнял меня и позвал к себе есть рыбу и пить компот из свежих груш и яблок, и пока я ел, он говорил со мной. Он говорил, чтобы я не придавал значения дурным приметам, так как приметы есть предчувствия, и иногда правильные, имеющих сотвориться событий, если перед этими событиями не попросить Бога, чтобы Он избавил нас от беды. Поэтому всегда во время предчувствий горя надо молиться Богу. Старец также заповедал мне обязательно прочитывать все правило перед Святым Причастием. «Особенно, — сказал он, — если вы собираетесь быть священником». При этом батюшка рассказал мне такой случай.

Старцу отцу Анатолию явился после смерти один оптинский иеромонах (его имя я не запомнил) и сказал, что он избавлен от мытарств, так как всегда совершал литургию в мире со всеми и, подготавливаясь к ней, вычитывал все положенные правила. «Но главное правило — это любовь и мир, — говорил старец, — вот вы запомните завет батюшки отца Моисея, великого основателя нашей обители: „Люби всех и не смей быть во вражде, когда готовишься приступить к Святому Таинству, а то причащаешься, как Иуда“». Отец Нектарий заповедал мне также не очень прилепляться к земным

⁷⁹ Книга с таким названием неизвестна. Возможно, это была книга «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон...» (СПб., 1891) или одно из изданий «Сказаний о земной жизни Пресвятой Богородицы» (8-е изд. М., 1904; репр. М, 1992).

предметам, говоря, что каждая ложка, не то что золотая, но и деревянная, может принести беду. «Любить ее будешь и будешь тревожиться духом, если она пропадет, а если от такой малости в душу войдет раздражение, а с раздражением грех, а с грехом демон, то чего доброго ждать?» — закончил старец. Я провел у старца в беседе около часа.

Последний раз я видел отца Нектария на Покров после ранней обедни. В скиту две церкви: одна деревянная, построенная отцом Моисеем (Путиловым), другая каменная, построенная епископом Трифоном (Туркестановым). Службу я слушал в каменной, а оттуда мне хотелось пойти проститься с батюшкой отцом Нектарием к нему в келью. В конце литургии мне сказали, что батюшка в деревянной церкви и меня зовет. Я тотчас пошел туда и застал его благословляющего народ посреди храма. Он был в черной теплой рясе с клобуком и длинным флером. Он благословил меня и сказал, что ему хотелось повидать меня и он велел меня отыскать.

— Я еду сегодня из Оптиной пустыни, благословите, — сказал я.

— Вот хорошо, вот от этого я так именно сегодня хотел увидеть вас. Приезжайте опять к нам.

— Думаю на Рождество приехать, — сказал я.

— Да, если не приедете на Рождество, не увидимся с вами, — сказал старец и, дав мне на прощание просфору, быстро прошел к выходу.

Я не исполнил моего благого намерения посетить Оптину пустынь на Рождество и больше не видел великого старца.

Архимандрит Феодосий

Дурылин Сергей Николаевич в бытность мою в Оптиной пустыни, кроме старцев иеросхимонахов Анатолия и Нектария, пользовался глубоким уважением особенно у старца отца архимандрита Феодосия. Когда в мой первый приезд в обитель я осматривал вместе с петербургскими студентами Павловым и Скибушиным знаменитую оптинскую библиотеку, я встретил в одной из ее комнат высокого плотного монаха с широким благодушным лицом и величавой осанкой. Он, сидя за столом, внимательно делал выписки из кожаного фолианта в толстую кожаную тетрадь. Когда мы подошли к нему под благословение, на нас глянули из-под очков большие, спокойные черные глаза. Небольшая седоватая борода спустилась на грудь, украшенную деревянным со слоновой костью крестом. Густые, но недлинные волосы едва касались его плеч. «Это старец отец Феодосий», — сказал мне один из моих спутников.

В здании оптинской библиотеки хранилось много портретов подвижников монастырских (акварелей и фотографий), много замечательных книг и рукописей. Здесь были собраны также портреты светских и духовных друзей Оптиной, среди которых выделялся замечательный дагерротип, изображающий владыку Игнатия Брянчанинова в юности, и интересный литографированный портрет Гоголя. Но все же далеко не полной казалась коллекция музея. У братии в кельях мне приходилось встречать драгоценные рукописи великих старцев и замечательные их портреты (особенно замечательный портрет старца Макария находился у отца Нектария).

Приходилось слышать обычную для Руси грустную повесть о расхищении памятников славного прошлого, о том, что не только в обители не было ни одной вещи великого старца Льва, но из кельи отца Амвросия многие предметы были расхищены. После закрытия монастыря многое было собрано Надеждой Григорьевной Чулковой у монахов и частично передано в библиотеку. Говорят, перед вывозом из Оптиной пустыни библиотека пополнилась некоторыми драгоценными памятниками славных дней Оптиной. Удалось быть мне во время моего посещения в декабре 1916

года в бывшей келье старца Амвросия, которую занимал старец архимандрит Феодосий⁸⁰. Он собрал, кроме вещей великого старца, много ценных предметов оптинского прошлого, и его келья производила весьма яркое впечатление.

В это время со мною в обители был Сергей Николаевич Дурылин, Х. М., моя невестка, Н. Чернышев, его приятель Костя (фамилию к-го я забыл). Кроме того, в вагоне к нашей компании присоединилась некая Н. (жена известного московского врача) с очень хорошенькой ючкой. Вся наша компания в первый вечер по приезде, после того как мы были у старца отца Анатолия, отправилась к архимандриту Феодосию. Келья его в пять окон с белой печкой, с большим киотом и кожаным диваном была наполнена воспоминаниями былых дней. Здесь был диван бытности отца Амвросия, много его образов, стол отца М., яса отца Нила. Здесь были автографы всех писателей, посещавших Оптину пустынь, среди них Гоголя, Киреевских, А. Толстого, Достоевского, Страхова, Льва Толстого, К. Леонтьева, В. Соловьева и других. Здесь были кресла, где сидел Гоголь, стул, который сломал во время спора со старцем Амвросием Достоевский⁸¹.

Старец любезно показывал нам различные предметы домашнего обихода отца Амвросия. Показал он нам ценную коллекцию фотографий оптинских монахов и благодетелей и лиц, духовно связанных с обителью. Отец архимандрит поделился с нами и своими интересными воспоминаниями. Он присутствовал при знаменитом споре Достоевского с отцом Амвросием о вечных муках, когда Достоевский и Владимир Соловьев, в 1879 году посетили старца. Он помнил Гоголя, который стоял в толпе баб у хибарки отца Макария. Он помнил, с какой благоговейной покорностью каждое утро на приеме у отца Амвросия одетый в послушнический подрясник, Константин Леонтьев протягивал старцу свои новые произведения.

Отец архимандрит, близко зная отца Амвросия, говорил нам о любви к детям и о том, что он всегда летом после обеда уходил на час молиться на поляну возле сломанной часовни, где ему в голодном 1891 г. явилась Царица Небесная и обещала прекращение бедствия. Впоследствии отец Амвросий заказал оптинскому живописцу отцу Иерониму образ Богородицы, благословляющей колосья, и наименовал этот образ «Спорительницей хлебов»⁸². Рассказывал нам старец и об отце Макарии, о его любви к цветам, о его особенной любви к музыке. Он каждый вечер играл Баха и играл столь прекрасно, что слушающие его игру плакали и молились⁸³. Жаловался старец на обер-прокурора Оболенского, который запретил продажу лика Матери Божией «Спорительницы хлебов», так как старец Амвросий своевременно не доложил о видении своем Святейшему Синоду. Многие рассказывал нам отец Феодосий о прошлых днях Оптиной пустыни. Мы пробыли у него до девятого часа, когда должны были закрыться монастырские ворота.

Перед нашим уходом жена доктора встала на середине комнаты и разразилась невероятными ямбами, восхваляющими старца и обитель. Ямбы были не вовремя: слышался колокол, призывающий

⁸⁰ Имеется в виду обстановка кельи старца Амвросия. Саму келью занимал старец Нектарий, как выше отмечает отец Сергей.

⁸¹ Последняя деталь, несомненно, плод чьего-то воображения и примешалась к воспоминаниям отца Сергия случайно. Е. Поселянин в очерке «Старец Амвросий» сообщает - «Достоевский был у батюшки. Он говорил: „Это кающийся“. Видел батюшка В. С. Соловьева» и отзывался о нем: „Этот человек не верит в загробную жизнь“» (Душеполезное чтение. М., 1892, январь, с. 46).

Ф. М. Достоевский был в Оптиной пустыни в конце июня 1878 года, дважды наедине говорил со старцем Амвросием и, по словам Анны Григорьевны Достоевской, «вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление» (Воспоминания ЛГ Достоевской. М. - Л., 1925, с. 233).

⁸² 91 Эти сведения, очевидно, не вполне точные. Схиархимандрит Агапит сообщал что икона, написанная по желанию самого старца, была получена им от настоятельницы Волховского монастыря Иларии («Жизнеописание...», ч. 2, с. 103).

⁸³ Здесь скитона начальнику отцу архимандриту приписано нечто совершенно невероятное — плод фантазии одного из посетителей Оптиной пустыни, не понимающего духа монастырской жизни. Известно, что старец Макарий любил играть на скрипке в юности, еще до того, как он принял монашеский постриг. Будучи скитона начальником он заботился о красоте пения и иногда сам пел на клиросе. Только так и могла проявляться любовь монаха к музыке.

всех посторонних покинуть скит, а дама дошла только до времени старца Макария. Она кончила эффектным жестом и передала старцу коробочку с консервами. Мы простили даме ее стихи за эту коробочку, так как проголодались заметили у нее и на нашу долю консервы. Дама, прощаясь, сказала отцу Феодосию: «Батюшка, какие события, какие события! Милюков великолепен. Я привезла вам его речь» (в то время распространяли среди интеллигентов литографированные речи думцев, ругающих правительство). «Речь эта — только начало скорбей, так как чувствую, что война приближается к нам и становится междоусобием», — сказал отец Феодосии.

Я жалею, что посещение отца архимандрита имело только экскурсионный интерес и мы не слышали от него ни одного поучения, так как я слышал о нем много отзывов как о прозорливом, дивном старце. Я до сих пор благодарен отцу Феодосию за один совет, который удалось мне выслушать от него на другой день после ночного посещения. Я встретил отца Феодосия на скитской аллее, возвращающегося от поздней литургии. Был Николин день. Я причащался, и отец Феодосии подошел ко мне, чтобы меня поздравить.

— Что делать, батюшка? — спросил я. — Еще и часа не прошло, как я причастился, а я уже осудил человека.

— А вы, когда приходит вам в голову осуждающая мысль, перекреститесь. Мысль сразу и пропадет, — отвечал отец Феодосии.

На этом мы простились. Отец Феодосии спешил в скит к трапезной, а я должен был идти на благословение к батюшке отцу Анатолию, которому и передал совет отца Феодосия. «Он очень мудро тебе посоветовал», — сказал мне батюшка. И опыт жизни также не раз мне показывал правильность совета архимандрита. К сожалению, я не видел его больше, так как вскоре уехал из Оптиной и осенью, когда я приезжал в обитель, отца Феодосия не было в Оптиной, он тогда лечился в Москве от каменной болезни.

Архимандрит Агапит

Мои воспоминания об Оптиной пустыни были бы неполны, если бы я не описал свое свидание с архимандритом Агапитом, лучшим другом и первым биографом старца Амвросия. Жизнеописания оптинских подвижников, написанные их учениками, отличаются особенной духовной яркостью. Климент Зедергольм и Леонид Кавелин сумели не только передать дух учения своих великих старцев. Они сохранили в своих писаниях звуки их речи, они начертали их внешний облик и заставили почитать в оптинских старцах не только мужей мудрых, но преисполненных любовью к грешникам, святых. Среди биографий старцев на первом месте безусловно стоит жизнеописание старца Амвросия, написанное архимандритом Агапитом⁸⁴. К сожалению, быстро распроданная биография отца Амвросия давно стала библиографической редкостью и многие любители духовного чтения даже не подозревают о существовании подобного труда.

Сергей Николаевич Дурьлин, желая приобрести эту книгу, отправился к ее автору-архимандриту и взял меня с собою. Это было в конце сентября 1917 года. Архимандрит жил в монастырской больнице, занимая там отдельную комнату. Оптинская больница и обстановка ее произвели на меня необычайно светлое впечатление. Чистота и блеск белых стен и полов, огромные окна, озаренные свежим сентябрьским солнцем, а главное, обилие цветов из скитской знаменитой оранжереи, устроенной старцем Макарием, — все это делало больницу похожей на мирный приют отдыха, а не на дом печали. Приветливые лица монахов-докторов и санитаров — еще более

⁸⁴ 89Схиархимандрит о. Агапит (Беловидов). Жизнеописание в Бозе почившего оптинского, старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900 (репр. М., 1992).

прибавляли радости и успокоения. Один из врачей, окончивший Московский университет отец П., любезно проводил нас к архимандриту. Нам навстречу вышел белый старик с длинными седыми кудрями, одетый в белую рясу, с небольшой серебряной бородкой, опирающийся на белый костыль. Это был отец Агапит. Дурылин назвал себя, и он пригласил нас в свою комнату. Небольшая его комната с койкой и столиком была особенно светла и утопала в цветах. В углу стоял образ Царицы Небесной, у которой горела большая лампада и стояли несколько горшков цветущих гиацинтов и нарциссов, которых отец архимандрит был чрезвычайный любитель. Разговор шел об отце Амвросии, его прозорливости. О том, что им была предсказана великая скорбь в первые десятилетия XX века. Отец архимандрит говорил тихо и с трудом, по причине преклонного возраста, ему было около девяноста лет. Биографии старца Амвросия у него не оказалось, но он обещал Сергею Николаевичу достать ее в ближайшее время у одного из своих духовных детей. Пробыли мы у отца архимандрита около часа и, не желая утруждать его, простились с ним. Сергей Николаевич еще раз через несколько дней посетил отца архимандрита и застал его в постели — он тогда заболел своей смертельной болезнью, воспалением легких, простудившись за всенощной во Введенской церкви.

Книгу свою отец архимандрит завещал послать Сергею Николаевичу, и после его смерти он получил ее. Вот то небольшое, что оставила мне память о моем пребывании в Оптиной пустыни. Но кроме ликов образов, прекрасной природы, кроме звуков колоколов и песнопений в моей душе остались неизъяснимые светлые блики ее святости. В минуты недоумений и скорбей, в минуты тоски и горя я всегда внимаю этому свету великой обители, и легче становится мне идти по трудному пути жизни.

Церковь Христова вечна, но мы знаем: когда люди грешили против основных заповедей, против заповеди любви к Богу и ближним, когда они хулили Духа Святого, благодать покидала их родину и зажигалась з иных, иногда чуждых и далеких от них странах. И как бы в утешение мне я внезапно вспомнил всех тех истинных христиан и праведников, которых мне дал Господь знать в моей жизни. Я тогда же решил написать о моих с ними встречах и утешить тех, кто сомневается и тревожится о судьбах Русской Церкви.

Вечерело. Осенний закат зажег озеро пурпурным и синим огнем. Березы роняли листья в водную гладь и золотой дождь покрывал свинцовые волны. Казалось, что совершилось чудо. Среди умирающего дня вдруг возник торжественный праздник, когда топазовые лучи умирающего дня сияли в радостных переливах стеклянных брызг от свежего ветра. И глядя на закат, на торжество предсмертного солнца, я думал, не так ли умирает и Русская Церковь... Пусть она гибнет, пусть темные тени все больше торжествуют там, где некогда был ее свет. Эти закатные ее годы сияют праздником вечным, сонмом праведников, которые, как предрассветные звезды, будут манить мир к вечному ясному небу.

Заканчивая свой труд описания встреч с праведниками, я не могу не сказать еще о дивном старце и замечательном руководителе душ человеческих на пути спасения иеромонахе Порфирии, проживавшем в бытность мою в Сергееве в Гефсиманском скиту. Я знал раньше отца Порфирия⁸⁵ и был у него впервые с покойным Г. Л. М. весной 1918 года. Но во время Сергиевской жизни я особенно сблизился с ним, так как избрал его по совету друзей моих и особенно игумена Израиля⁸⁶ своим духовником. Мое общение с отцом Порфирием, чрезвычайно чистое и очень для меня полезное, не

⁸⁵ Отец Порфирии — старец и духовник Черниговского и Гефсиманского скита (ученик и келейник старца Варнавы).

⁸⁶ Последний игумен Гефсиманского скита.

подлежит записи даже в этих моих воспоминаниях, так как оно заключалось в моих перед ним исповедях. Скажу только, что в отце Порфирии я встретил человека, обладающего необычайной добротой, соединенной с трезвенностью. Батюшка не любил мудрить, и его советы отличаются простотою и ясностью. Они напоминают, по отзыву знавших покойного старца Варнаву, советы этого знаменитого сергеевского старца, у которого батюшка был келейником. Эти мои записи я задумал после одной беседы с отцом Порфирием незадолго до моего второго ареста. Я узнал о готовящемся выступлении архиепископа Димитрия против митрополита Петра и поведал об этой новой церковной тревоге отцу Порфирию.

— Что же, — сказал батюшка, — новая церковная скорбь, новые подвиги в Церкви. Враги думают побороть Церковь и натравляют на Истину людей бессмысленных. А в конце концов грех будет побежден страданием и стойкостью оставшихся верных Православию чад Святой Церкви. Вот в борьбе и трудах познается любовь к Богу и Церкви.

— Так-то так, — ответил я, — да очень жаль Русскую Церковь. Пожалуй, что все храмы закроют и последние обители разрушат.

— И это не беда, — отозвался старец, — и при закрытии Она просияет таким светом, что победит тьму закрывающих Ее, и поклонятся Церкви те, кто сейчас Ее гонит.